

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Анфиса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142109

Аннотация

«В доме присяжного поверенного Федора Ивановича Костомарова. Вечер под Новый год. Гости.

На сцене небольшая комната бабушки, отделённая от тех комнат, где гости, коридорчиком и дверью. Перед дверью три ступеньки – дом очень стар, выдержал много перемен, и комната бабушки находится в пристройке. Сквозь неплотную, быть может, кем-нибудь не запертую дверь приносится шум праздника, играет на пианино тапёр, танцуют, что-то все кричат – а у бабушки тишина, покой бесстрастной старости, слабый свет цветных лампадок и небольшой лампы на столе. Постель старухи и киот загорожены довольно высокими ширмами; за небольшим окном царит январская, лунная, беззвучно-звонкая ночь...»

Содержание

Действующие лица	4
Первое действие	6
Действие второе	38
Действие третье	71
Действие четвёртое	103

Леонид Николаевич Андреев Анфиса

Действующие лица

Федор Иванович Костомаров, присяжный поверенный

Александра Павловна, его жена

сестры Александры Павловны:

Анфиса, Ниночка

родители Александры Павловны:

Павел Павлович Аносов

Александра Ивановна Аносова

Бабушка

присяжные поверенные:

Иван Петрович Татаринов

Андрей Иванович Розенталь

Гимназист Петя

Померанцев – товарищ Пети

Первое действие

В доме присяжного поверенного Федора Ивановича Костомарова. Вечер под Новый год. Гости.

На сцене небольшая комната бабушки, отделённая от тех комнат, где гости, коридорчиком и дверью. Перед дверью три ступеньки – дом очень стар, выдержал много перемен, и комната бабушки находится в пристройке. Сквозь неплотную, быть может, кем-нибудь не запертую дверь приносится шум праздника, играет на пианино тапёр, танцуют, что-то все кричат – а у бабушки тишина, покой бесстрастной старости, слабый свет цветных лампадок и небольшой лампы на столе. Постель старухи и киот загорожены довольно высокими ширмами; за небольшим окном царит январская, лунная, беззвучно-звонкая ночь.

Сама бабушка – древняя старуха неведомых лет и всеми позабытой неведомой жизни – сидит, углубившись в кресло, и быстрым, привычным движением вяжет чулок. Одна за другою, повторяясь бесконечно, нанизываются серые петли; догоняют одна другую и не могут нагнать, торопятся по кругу. И поблёскиванию спиц отвечают слепые мигания небольшого, небольшого маятника, едва успе-

вающего хватать летящие секунды, озабоченного до ужаса.

Против старухи, опершись головой на руки, сидит Ниночка, семнадцатилетняя гимназистка, и внимательно смотрит на бесшумное и бесконечное нарастание петель. У неё пышные молодые волосы, и щеки её нежно розовеют; и сидит она тихо, словно очарованная.

Ниночка *(не шевелясь, медленно и глубоко)* Бабушка! Скажи ты мне... *(Недоговаривает и смотрит, словно считает петли. И опять:)* Бабушка, скажи ты мне...

Бабушка *(ворчливо и ласково)*. Скажи, скажи! Все тебе скажи. Нечего говорить, все сказано. Скажи...

Ниночка. Бабушка, скажи ты мне... Ты много жила на свете, и ты все знаешь, и ты все можешь рассказать, если захочешь. Скажи ты мне, бабушка, как это происходит – Новый год? Я не понимаю. Мне все кажется, что, как только пробьют часы двенадцать, сейчас же, в ту же минуту раскроются огромные ворота, и в них увидишь... что? Бабушка, что?

Бабушка молчит.

Ниночка. Не хочешь говорить. Жалко! А я уверена,

что ты видишь и могла бы сказать, если бы захотела. Но ты никого не любишь и оттого молчишь. Дядя Федя говорит, что тебе сто лет, бабушка, – правда это, скажи? И будто позади тебя лежит такой длинный, длинный путь, что ты умеешь немножко видеть и впереди. Правда это, скажи?

Бабушка (*посмеиваясь*). Умею. Умею.

Ниночка. И ещё он говорит, что ты вовсе не глухая, что ты все прекрасно слышишь, а только притворяешься. Он говорит, что ты хитрая, лукавая, злая раба, которая знает много чьих-то преступлений и оттого боится говорить и не хочет слышать. Скажи, это правда? Ты слышишь или нет?

Бабушка. Тебя слышу.

Ниночка. А дядю Федю?

Бабушка. А его нет. Дядя Федя, дядя Федя...

Ниночка (*смеётся*). Ну, и хитрая же ты!

Бабушка утвердительно кивает головой и вяжет.

Ниночка. Бабушка, скажи: а отчего умер твой муж? Я видела его карточку в альбоме, он ужасно похож на дядю Федю, и такой же красивый. Вот странно: ты совсем старая, а он ведь молодой. Уже не старятся те, кто умирает. Как просто и странно! Скажи, отчего он умер?

Бабушка. Не слышу.

Молчание. Ниночка, прищурившись, разглядывает старуху и покачивает головой.

Бабушка. Музыка играет?

Ниночка. Играет.

Бабушка. Танцуют?

Ниночка. Танцуют... Мне вдруг стало там так скучно! Петя Тройнов пьян и все лезет ко мне с объяснениями; глупый мальчишка, который воображает, что он влюблён и что будет очень страшно, если он напьётся. Скажи, бабушка, что такое любовь? Не хочешь, так я тебе скажу: это юное, мучительное чувство. Когда человек любит, он сразу становится такой же безумно старый, как и ты, и начинает помнить то, что было десять тысяч лет тому назад. Ты думаешь, мне семнадцать лет? Это тебе семнадцать, а мне десять тысяч лет. К сожалению, я не могу сказать всего, а то у тебя волосы поднялись бы дыбом... Ах, мне делать, что мне делать!

Бабушка. Делать, делать... Нечего делать, все сделано.

Ниночка. Ты знаешь, дядя Федя все время с Анфисой.

Бабушка. Так, так!

Ниночка. Ну, да. И он ужасно неправ: Анфиса неискренняя женщина. И у неё тоже есть ваша милая при-

вычка: помалкивать и тихонько улыбаться. И ты заметила, как ходит? Посмотри, бабушка, как хожу я. Посмотри! *(Несколько раз проходит по комнате, звонко постукивая руками.)* Слышала? А она? *(Неслышною тенью, еле ступая, быстро скользит по комнате. Многозначительно.)* Не нравится это мне, старая, не нравится. И потом: почему он ей постоянно целует руки и так почтительно, как будто к иконе прикладывается? А она, видите ли, целует его в лоб... Тоже... штука!

Бабушка. Ничего ты не понимаешь.

Ниночка. Ах, оставь, бабушка! Так понимаю, что и тебя ещё кое-чему научить могу. Ты думаешь, я не знаю, зачем выписала её эта несчастная Саша? Да ведь это весь дом знает, вороны на деревьях и те знают. Сама не умеет сделать так, чтобы муж её любил и не изменял бы ей, так вот пусть сестра Анфиса его научит. Господи, ну и кому ж, как не ей, научить? Умна, решительна, – муж ей слово сказал, она с ним в пять минут развелась – ходит в чёрном платье – и не завивается! Настоящая для Федя гувернантка. Ну, она его научит – ты увидишь!

Бабушка. Сама не понимаешь, что говоришь.

Ниночка *(строго)*. Только не подумай, пожалуйста, и из ревности говорю. Что я такое? Девочка, девчонка, которую ещё можно на колени сажать. А эти? Ну,

и несчастный же дядя Федя человек: одна облепила его, как тесто, а другая паутиной ложится на него.

Открывается дверь из тех комнат.

Ниночка (*быстро*). Саша несчастная идёт. Но ты так, бабушка, как будто ничего не слышала, а то и ходить к тебе не стану. Умрёшь тут ты одна, как крыса в банке. Ну, не сердись! (Целует старуху.) Старушечка, друг мой единственный!

Входит Александра Павловна, жена Костомарова, и его адвокат Татаринов, высокий, худощавый, очень черноволосый человек. Идёт он немного позади, уступая дорогу Александре Павловне, женщине крупной и чрезвычайно, даже до ослепительности, красивой.

Татаринов. Вот я когда-нибудь окончательно сломаю себе шею на этих ступеньках.

Александра Павловна. Ты что это запряталась сюда, Ниночка? А там тебя ищут.

Ниночка. Кто?

Александра Павловна. Кто же может искать? Молодые люди ищут.

Татаринов (*целует руку у бабушки*). Здравствуйте,

Нила Евграфовна.

Александра Павловна. Господи, да откуда вы знаете, как её зовут? Уж и мы-то её имя позабыли.

Татаринов. Каждого человека нужно звать по имени-отчеству. Знаете вы, как вашего кучера зовут?

Александра Павловна. Ну, Еремей.

Татаринов. Нет, не Еремей, а Еремей Петрович. А как горничную зовут? По-вашему Катя, а по-настоящему Катерина Ивановна, и фамилия её Перепелкина.

Александра Павловна. Устала я. Поди, Ниночка, потанцуй, голубчик. Мне с Иваном Петрович поговорить нужно. Да если Федя меня искать будет, скажи ему, что я пошла немного отдохнуть.

Ниночка. Что ж, отдохни. *(Уходит, хмуро оглядываясь.)*

Александра Павловна. Садитесь, Иван Петрович... Скажите, кто, по вашему мнению, самая красивая женщина сегодня?

Татаринов *(твёрдо)*. Анфиса Павловна.

Александра Павловна *(несколько неприятно удивлённая, но улыбаясь)*. А не я? Федя говорит, что я самая красивая женщина.

Татаринов. С одной стороны. А с другой стороны – у вас, Александра Павловна, нет характера в лице.

Александра Павловна. Какой вы честный. А у неё

есть?

Татарин (*твёрдо*). А у неё есть.

Александра Павловна. Впрочем, я рада, что вы так говорите про её характер. Ведь вы знаете, зачем я попросила сестру приехать?

Татарин. Знаю.

Александра Павловна. Ну, как, изменился Федя? Ведь вы его видите постоянно. Если уж она не может на него повлиять, так уж и не знаю, кто. Я раз слушала в щёлочку...

Татарин (*негодующе*). В щёлочку!..

Александра Павловна. Ну, да, в щёлочку, как она с ним говорила. Так мне даже жалко стало Федю. Стоит он, бедный мой мальчик, как виноватый, а она ему говорит так резко, решительно, сурово, точно и не женщина совсем, а какой-то судья. (*Хватает Татаринова за руки.*) Иван Петрович, голубчик, ну, вы друг Феде, ну, скажите же мне, что сделать, чтобы этого не было, не было, никогда не было. (*Плачет.*)

Татарин (*смущённо*). Чего? Я не понимаю.

Александра Павловна. Не понимаете? А скажите, – вот вы всех знаете, – как зовут по имени и отчеству ту особу, у которой вы бываете с Федей?

Татарин. Не знаю.

Александра Павловна. Лжёте, стыдно! Роза Леопольдовна Беренс, вот как её зовут. Как же вам не

стыдно: Федя едет к любовнице, а вы с ним, – что же это такое?

Татаринов (*оглядываясь*). Бабушка...

Александра Павловна. Ах, оставьте, она ничего слышит.

Татаринов. Но если так, то вот что я вам скажу. Мне нисколько не стыдно, и даже я испытываю противоположные чувства, потому что я езжу за Фёдором Ивановичем, как его верный друг, который поклялся перед его талантом никогда его не оставлять.

Александра Павловна (*насмешливо*). Это к любовнице-то?

Татаринов (*возмущённо*). Да разве я для одобрения езжу? Ведь я над ним, как... факельщик сижу. Ведь он, осел, сколько раз выгнать меня хотел. А я разве ушёл? Нет, не ушёл, и не уйду никогда. И буду сидеть перед ним, как воплощённый укор его потерянной совести. Что я ему там говорю? Я ему говорю: Федя, не забудь, что у тебя прекрасная жена и двое маленьких детей. Федя, не забудь, что у тебя талант, для правильного развития которого необходима честная семейная жизнь... Федя...

Александра Павловна. Простите, голубчик, я просто так. Я знаю, что вы его единственный друг.

Татаринов. Я ничего не пью, я вегетарианец, я ненавижу рестораны, я видеть не могу это хамьё во

фраках... Как вас зовут? Михаил-с. А по отчеству? Помилуйте-с, какое у нас отчество, мы так. Хороши, а? Ну, а кто же сидит с вашим Федей по целым ночам в кабаке, как не я? Ведь он меня до чахотки доведёт. А тут ещё эта... развратнейшая личность, сплетник и клеветник – Розенталь... И тоже, извольте видеть, называется его другом. И можете представить...

Александра Павловна (*нетерпеливо*). Голубчик!

Татарин. Нет, вы можете себе представить: я уж месяц как не подаю ему руки, а позавчера сидим мы в ресторане втроём, я, Федя и этот негодяй, и он заговаривает со мной. Вы понимаете это?

Александра Павловна. Да, да, я знаю, не волнуйтесь. Я знаю, насколько Розенталь вреден для Феде.

Татарин (*успокаиваясь*). Вреден! (*Вдруг вспоминает.*) Позвольте, а откуда вам известно, что я с Федей ездил к этой самой Беренс?

Александра Павловна (*смущённо*). Мне... кучер Еремей рассказывал.

Татарин. Вот так Еремей! (*Возмущённо.*) Да ещё Петрович! Но, по крайней мере, он, этот ваш поверенный в семейных делах, сообщил вам, что уже два месяца, как Федор Иванович не был у Беренс?

Александра Павловна. Да, я знаю: с тех как приехала Анфиса. (*Тихо.*) Как я счастлива, если б знали!

Татарин (*растроганно*). Милая вы моя!

Александра Павловна. Я так измучилась.

Татаринов. Милая вы моя, так успокойте же вашу душеньку, знайте, что уж больше он к этой женщине не поедет – он мне честное слово дал. А вы говорите, зачем езжу? – Высидел-таки его.

Александра Павловна. Да. Он и мне слово дал, только верить-то я боюсь. Как тут поверить, когда кругом такое делается... Вы заметили, что сегодня нет у нас ни Переплетчикова, ни Ставровского, ни Роговича...

Татаринов. Заметил. Как же этого не заметить!

Александра Павловна. Что не приехал сегодня ни Тимофей Андреевич, ни Маслобойников и никто товарищей-адвокатов? Кто у нас сегодня? Шушера какая-то, да ещё помощники Федора Ивановича, да ещё этот Розенталь... О вас я не говорю – вы Федин друг.

Татаринов. Тяжело мне говорить вам, Александра Павловна... но и я сегодня не приехал бы, не поклянись я никогда не оставлять Федора Ивановича.

Александра Павловна *(возмущённо)*. Послушайте, как вы смеете это говорить! Разве Федя нечестный человек, к которому нельзя и в дом прийти? Мне уши прожужжали с этой историей на суде. А я и до сих пор не понимаю, что здесь такого! Сказал он что-то, – но ведь вы же сами находили, что речь его была блестяща.

Татаринов *(успокаивая, кладёт свою руку на её)*. Да, да, милый друг, вы этого не понимаете. Как бы вам это объяснить? Ну, в увлечении защитой, желая во что бы ни было выиграть дело, быть может, сорвать лишний аплодисмент, – Федор Иванович очень любит поклонение, – он позволил себе очень резко, даже грубо и даже совсем непристойно отозваться о потерпевшем, человеку очень несчастном...

Александра Павловна. Правда, что из публики кричали: вон?

Татаринов. Ну, один там крикнул.

Александра Павловна. Мне передавали, что Федя обернулся и так гордо посмотрел на этого, который крикнул.

Татаринов. Ну, уж какая тут гордость – извиниться бы надо, а не гордость! Ну, вот, все товарищи его: Ставровский, Рогович, ну, я и другие – мы и думали как-нибудь уладить дело – все из-за любви к его таланту. Ведь вы представить не можете, какие надежды мы на него возлагали! Но вот тут как раз Федор Иванович и отмочил свою штуку: вместо того, чтобы послушаться нас и публично извиниться перед потерпевшим, он стал в этакую... гордую позу и говорит: «Не оттого ли, господа, вы так накинулись меня, что вам просто – завидно: ведь дело-то я выиграю. Мне надоела ваша опека, господа». Повернулся и вышел.

Ну, и дело-то он выиграл, это верно...

Александра Павловна. Он тогда всю ночь по кабинету шагал. И все вздыхал. А потом как ударит кулаком по столу... я за дверью слушала. Господи, что же теперь будет?

Татаринов. Что ж? Будем судить вашего Федю. И должен вам сказать, что я, как член совета, тоже подам голос за осуждение. Нельзя-с!

Александра Павловна. Что же делать, что же делать?

Татаринов (*разводя руками*). Ну, уж как-нибудь.

Александра Павловна. А позор? Федя этого не переживёт. Вы поглядите, какой он сегодня – на него страшно смотреть. (*Улыбается.*) Тапёра зачем-то пьяным напоил.

Татаринов (*в негодовании*). Вот это-то и есть, это-то и скверно. (*Передразнивает.*) «Тапёра пьяным напоил». Людей не уважает ваш Федя, вот в чем его беда. Чтобы кланялись ему любит, а на тех, кто кланяется, плюёт. А попробуй-ка не поклонись!

Александра Павловна. Вас он уважает.

Татаринов. Я не про себя. Мне до его уважения дела нет, я клятву дал. Пригрезилось ему, что он не адвокат во фраке, как все мы грешные, а завоеватель какой-то, – и он воюет, и он воюет! А с кем? Тапёра пьяным напоил. Черт знает что... Не могу я этого вы-

носить! Опять с ним завтра целый день ругаться буду.

Александра Павловна (*устало*). Да, да, побрани-те его. Нездоровится мне, голубчик. Идите себе, а я поваляюсь на бабушкиной постели. (*Вдруг смеётся.*) Но я счастлива, если б вы знали!

Татаринов. Ничего не понимаю.

Александра Павловна. Ну, идите, идите. (*Вдогонку.*) И помните, что я самая красивая женщина, а не Анфиса.

Татаринов (*глухо, издаലെка*). Нет, Анфиса Павловна.

Уходит. Александра Павловна идёт за ширмы и говорит оттуда. Бабушка перестаёт вязать и внимательно слушает, вытянув шею и руку приставив к уху.

Александра Павловна. Бабушка, ничего, я у тебя на постели полежу? Голова очень кружится. Вот, когда я Верочкой беременна была, так совсем иначе себя чувствовала, а теперь и не знаю, что со мной делается. Второй месяц беременности, а кажется, так уж будто полгода прошло. Не понимает, не понимает, да как же ему понять мою радость? И неужели же, бабушка, есть женщины, которые боятся беременности, родов? – Да ведь это же такое счастье! Анфиса го-

ворит: лучше умру, а опять не забеременею... Да... Не было у неё хорошего мужа, не знает она, что такое хороший муж. Ты слышала, бабушка, он больше к этой мерзавке не ездит, и дурак Татаринов думает, что это от него... Ах, как хорошо, так бы, кажется, и осталась тут лежать. Немножко распустила корсет, а уж и то какое облегчение... Нет, от Анфисы это, от моей милой, благородной, несчастной Анфисы, от моей милой, несчастной сестры, которая сама извела, что значит мужская измена и женское горе... Ты знаешь, бабушка, эту её историю в Смоленске... с офицером? Федя про неё не знает, одна только я знаю. Ведь это же ужас! Приехала она...

Споткнувшись на ступеньках, почти вбегает в комнату гимназист Петя. Он очень красен, возбуждён и минутами слегка шатается.

Петя. Фу, чтоб тебя черт!.. Извините, пожалуйста, я, кажется, не туда. Нины Павловны здесь нет? Мне показалось, извините, пожалуйста.

Бабушка молчит и снова вяжет. Голос от двери гимназиста Померанцева, мрачного товарища Пети.

Померанцев. Петя, оставь!

Петя. Я её пригласил на третью кадрили, извините, пожалуйста, я вижу, что тут её нет... До свидания!

Так же быстро уходит и слышно у двери, как оба гимназиста хохочут.

Александра Павловна. Как он меня напугал, я уж Бог знает что подумала. Ох, надо собираться! Скажу Феде, что больше корсета носить не стану, боюсь повредить ребёнку. Ведь не разлюбит? *(Тихо смеётся.)* Зато я ему непременно мальчика рожу. Чувствую я это. Когда женщина беременна мальчиком, то у неё должны быть минуты такой глубокой задумчивости, такой глубокой задумчивости... Вот как у меня иногда. В сущности, я совершенно понимаю Федю, почему он не любит девочек и так хочет мальчика. Ну, что такое мы, девочки?..

У двери голос Федора Ивановича: «Осторожней, Анфиса Павловна, тут ступеньки».

Александра Павловна *(испуганно).* Ах, Господи, Федя!

Прячется за ширмы. Очень быстро, сильно взвол-

нованная, входит Анфиса Павловна; за нею, словно настигая её, крупно шагает Федор Иванович. Потому ли, что дальше идти некуда, потому ли, что она какой-нибудь защиты, Анфиса останавливается у самого кресла, держится за спинку кресла. Разговор отрывистый, дышать трудно, смотрят друг на друга почти с ненавистью.

Анфиса. Я не хочу слышать.

Федор Иванович. Я должен сказать.

Анфиса. Я не хочу слышать. Оставьте! Бабушка...

Федор Иванович. Она не слышит. Я должен сказать. Я не могу! Во всем доме нет места, где бы я мог. Послушайте!

Анфиса. Я не хочу.

Федор Иванович. Я не могу. Вы делаете нарочно, чтобы измучить меня. Вы уходите, прячетесь. Я вас ищу во всех тёмных углах. Я сейчас без шапки бегал по саду, по колена в снегу, и звал. Зачем это?

Анфиса. Я была в гостиной.

Федор Иванович (*гневно*). Да, в гостиной, сидела в углу – с этим ничтожеством – улыбалась ему, а я её искал – по колена в снегу. Это вы делаете нарочно, вы хотите измучить меня!

Анфиса. Вас? Но при чем же вы здесь? Какое вы имеете отношение к тому, что я делаю? Опомнитесь,

Федор Иванович. И я вовсе сидела не в углу...

Федор Иванович. Нет, в углу! Боже, зачем и ещё лжёте?

Анфиса. Федор Иванович...

Федор Иванович. Ну, ладно, ну, простите. Я говорю глупости. Но я так измучен! *(Садится.)* У меня ещё и сейчас дрожат колена. Простите. Но больше я не могу. Я люблю...

Анфиса *(быстро)*. Вы любите жену.

Федор Иванович *(удивлённо)*. Жену?

Анфиса. Да. Вы сами говорили это. Вы помните? Вы были с нею так нежны, я так рада этому... Бедная Саша!

Федор Иванович *(все так же удивлённо)*. Я с нею нежен? Разве? Это правда? Да, да, может быть, – но вы не понимаете? Вы, умная такая. Я нежен с ней, потому что люблю вас; свою любовь к вам я назвал иным именем... Только для вашей ласковой улыбки, только для того, чтобы на мне остановился с ласкою ваш взор, я готов любить её, другую, третью! Что за вздор!

Анфиса. Молчите. Я не хочу! Пустите меня. И были равнодушны ко мне, и вы говорили, что даже женщины во мне не видите.

Федор Иванович. Это неправда.

Анфиса. Так зачем же вы говорили неправду?

Федор Иванович. Не знаю. Но это неправда. Вы даёте... Вы знаете один мой маленький ужас, который становится теперь таким большим? Это может быть только в церкви, да, только в церкви. И, вероятно, многие из нас испытывают это, но молчат. Тогда, на моей свадьбе, я ведь видел вас впервые. На мне уже был венец, жена – жена моя, невеста, не знаю, кто она тогда была, на ней также был венец – улыбнулась кому-то и шепнула: «Смотри, приехала Анфиса, как я рада!» И я взглянул, и я тут же подумал, даю вам в этом честное слово, и я тут же подумал – почему я женюсь на этой, а не на той? Потом забыл, а теперь вспомнил.

Анфиса. Мне кажется... кажется, я почувствовала это. Впрочем, это неправда!

Федор Иванович. Зачем вы пришли так поздно?

Анфиса. Пустите меня. Где Саша?

Федор Иванович. Зачем вы пришли так поздно?

Анфиса (*твёрдо*). Пропустите меня, Федор Иванович. (*Спокойно проходит, задев его платьем, оставив за собой полуборота.*) Все это неправда, голубчик. Я вас понимаю, вы ошиблись. Благодарность к врачу вы приняли за любовь и уже начинаете мучиться здоровьем, но это пройдёт. Вы будете любить Сашу, вы сейчас любите её, а я завтра – уеду.

Федор Иванович. Уедете? Оставьте меня одного?

Анфиса. При чем здесь вы? Я уеду, потому что мне надо ехать, потому что я устала, соскучилась, потому что надоел, наконец, ваш город, ваш Татаринов, вся ваша жизнь. При чем здесь вы?

Федор Иванович. Уедете теперь, теперь, когда все оставили меня, – теперь? Вы забыли, вы, наверно, забыли, что делается вокруг меня, иначе вы, великодушная, не сказали бы. Вы видели сегодня провалы: пустые места – там должны были находиться мои друзья. И их нет – они ушли.

Анфиса. Вы сами оттолкнули их.

Федор Иванович. Ах, оставьте! Это должно было случиться. Я не могу вместиться в ту щель, которую они оставили мне. Я не могу!

Анфиса. Вы оскорбили их.

Федор Иванович. Я не виноват! У тех, кто хочет много, свои законы. Я не виноват. Но все же мне больно, и мне их жаль... и одиночество пьет мою кровь. Помогите мне, Анфиса! Ты так же одинока – помогите мне, Анфиса! Дай, чтобы в моей руке я почувствовал другую, сильную, смелую, правдивую руку. Дай! *(Хватает Анфису за руку.)* Анфиса. Оставьте меня! *(Вырывает руку.)* Что с вами сделалось, Федор Иванович? Вы стали... грубы.

Федор Иванович. Я люблю вас.

Анфиса. Нет, вы просто стали грубы. Ещё вчера... такой мягкий... благородный... вы показались близки мне, как женщина. Ведь вы плакали вчера, когда я играла... Да, да, как женщина.

Федор Иванович. Я плакал от любви к тебе, Анфиса, а сегодня... Ах, Боже мой! Без шапки, по колена в снегу, я бегал и звал её – звал её, – а она сидела там – в углу – с этим ничтожеством. Как вы смели!

Анфиса. Вы становитесь неприличны, Федор Иванович! Я завтра уезжаю.

Федор Иванович. Скажи мне: да. Выйди к ним ко всем и скажи, что любишь меня.

Анфиса. Завтра я уезжаю.

Федор Иванович. А я один?

Анфиса. С вами останется жена.

Федор Иванович. Плохая шутка, Анфиса Павловна.

Анфиса (*гневно*). Ах, Боже мой! Да поймите же вы, что я просто, что я просто – не люблю вас.

Федор Иванович (*устало и покорно*). Да? Так вот как, значит. Хорошо! Ну, так уходите же – чего же стоите, разве вы не все сказали? Что вы так смотрите на меня – я вам противен? Быть может, жалок? Ну? Разве вы не все сказали?

Анфиса (*коротко*). Все.

Быстро уходит. Федор Иванович несколько раз проходит по комнате, останавливается, думает о чем-то, сально вздыхает и, окинув комнату быстрым взглядом опомнившегося человека, хочет уйти. Но вспоминает – и, подойдя к самому креслу бабушки, продолжительно и строго грозит ей пальцем.

Федор Иванович. Молчи.

Спицы в руках бабушки заметно дрожат. Федор Иванович уходит. Из-за ширмы появляется бледная, растерянная Александра Павловна, торопливо застёгивает крючки на лифе и как-то нелепо, словно слепая, тычется в углы.

Александра Павловна. Ах, Боже мой! Что же это, бабушка. Как же мне быть, если он догадается, я была здесь и все слышала. Что я ему скажу? Он не поверит; что я нечаянно. Молчи, бабушка, молчи! Бабушка, милая бабушка, у меня ноги подгибаются, я упаду сейчас, бабушка...

Вбегают очень весёлые Ниночка и гимназист Петя.

Ниночка. Саша, Саша, где ты? Тебя Федя ищет. Скорее, сейчас ужин!

Александра Павловна. Я только сейчас, я была в детской.

Ниночка. Уже скоро двенадцать!

Александра Павловна. Вот как, а я и не думала, что уже скоро двенадцать. Я была в детской. Вот как странно – уже скоро двенадцать.

Ниночка (*удивлённо*). Да что с тобой, Саша?

Александра Павловна. Я была в детской, что же может быть со мной; вот странно! Я все время была в детской.

Ниночка (*берет её за руку*). Идём, идём!

Александра Павловна. Да, конечно, идём, а то как же? Конечно, идём. И вы с нами, Петя, или вы останетесь тут?

Петя (*хохочет*). Тут? С бабушкой?

Александра Павловна. Ну да, я хотела сказать...

Уходят, оставляя дверь открытою. Бабушка перестает вязать и слушает, приложив руку к бескровному уху. Слышны восклицания, смех, обрывки музыки и пения, затем наступает тишина – и в тишине большие часы отчётливо и гулко отбивают двенадцать ударов. И как торопливое, маленькое эхо, запоздав на минуту, отвечают и маленькие ча-

сы в бабушкиной комнате. Тех, далёких часов бабушка, видимо, не слыхала, но к этим прислушивается внимательно, подтверждает слабыми кивками головы торопливые удары – и снова берётся за чулок. А там уже снова говор и смех и тонкий звон стекла, поздравления, разрозненное, неудавшееся «ура». Весь этот разноголосый шум приближается сюда, и отдельные всплески его раздаются в самой бабушкиной комнате.

Голоса.

– К бабушке, к бабушке, поздравлять, – держите тапёра – он разобьёт фортепиано. Петя, оставь!

Первыми входят старики Аносовы, родители Александры Павловны.

Аносов. Ну, держись, бабушка, к тебе целое нашествие! Так пока что, до галдёжу всякого, мы вот и пришли со старухой тебя поздравить. Поздравляю. Ничего, живи себе, уж столько прожила, что ж с тобой поделаешь. Ну, и что Федя с этим музыкантом наделал: он эту самую свою фортепиану, как хороший муж хорошую жену, бьёт и по ушам, и по мордасам, и за волосы её волочит... а сам-то хохочет, чудак! Хороший, видно, человек!

Аносова. Я уже и смотреть боюсь, как он мудрует, вот-вот посуду бить начнёт. Хороший человек в се-

мейном доме так себе напиться не позволит. Я уже и то говорю Сашеньке: ты бы, дочка, лучше в кухню его отправила, пусть там по столу колотит. Она говорит, нельзя – гость. Какой же он гость, когда музыкант, да ещё пьяный.

Аносков. Вот и они. Весёлый народ!

Голос Розенталя. Господа, факельцуг. Берите свечи.

Беспорядочной толпою, с попыткой изобразить факельное шествие, спотыкаясь на ступеньках, с говором и смехом, входят гости. Развязно, несколько иронически, видимо проделывая шутку, поздравляют бабушку; но встречают старое, серое от старости и знания замкнутое лицо, видят мелькающие спины, слышат глухое, но тревожное молчание – и в смущении неловко отходят.

Розенталь (добродушно кричит старухе на ухо). Бабушка, слыхали, ещё Новый год наступил. Понимаете, Новый год? Поздравлять пришли. С новым счастьем, с новым годом, ну, и так далее. Ну, а вот зубы-то уже не вырастут, бабушка?

Аносков. А вы её, господин Розенталь, не тревожьте – от такого ласкового крика она и помереть может, жизнь-то у неё промеж пальцев вертится. Не сдунуть

бы.

Ниночка (*целует старуху*). Милая ты моя старушка, вот и раскрылись ворота.

Гимназист Петя идёт под руку с тапёром, оба качиваются. Тапёр молодой, краснолицый, прыщеватый малый, с длинными мочалистыми волосами, которые нависают ему на лоб и которые он смахивает с таким видом, как будто ловит муху. Радостно смущён, давно уже потерял язык и только временами дико хохочет и взмахивает руками, как бы разбивая рояль. Подружившийся с ним Петя громко поёт ему на ухо.

Петя. «Разбив моё сердце безбожно, она мне сказала: „прости“. Так будем же пить, пока можно, а там хоть трава не расти».

Отчаянно машет рукой, тапёр дико хохочет.

Померанцев (*пьяный и мрачный*). Оставь, Петя, не унижай себя.

Аносова. Ай-ай-ай, вот бы повидали вас родители!

Померанцев (*мрачно*). У нас нет родителей. Мы подкидыши.

Петя (*кричит*). Нина Павловна, с Новым годом и новым счастьем! «Рассудок твердит укоризну, но поздно, меня не спасти...»

Под руку с женой входит Федор Иванович, улыбается, что-то шепчет, наклоняясь к ней. С той же улыбкой, безразлично, но слишком долго смотрит на Анфису, которая в стороне тихо разговаривает с очень скромным молодым человеком в судейской форме.

Федор Иванович. Что с тобой, Саша, тебе нездоровится?

Александра Павловна. Да, я устала очень. Ты знаешь...

Федор Иванович (*резко*). Я не люблю усталости! (*Нежно.*) Впрочем, и правда, ты, быть может, прилегла бы. Устала, бедная моя красавица!

Александра Павловна (*вздыхает*). Да, красавица.

Розенталь (*подхватив последние слова*). Да не всем красота моя нравится. Верно. Тише, господа. Maestro, перестаньте так дико хохотать – наш Цицерон намеревается произнести речь. Внимание, внимание!

Татаринов (*длительно и строго смотрит на Розенталья, потом отворачивается и медленно начинает*). Господа! Перед лицом этой почтенной старости меня особенно волнует вопрос о времени, о его, так сказать, чести, и в связи с ним вопрос о том, что

такое Новый год, для встречи которого...

Розенталь (*передразнивая*). На основании вышеизложенного...

Татарин (*ещё строже и ещё медленнее*). Для встречи которого мы собрались под гостеприимным кровом Федора Ивановича. Новый год...

Розенталь. И имея в виду кассационное решение, за номером 2240...

Татарин. Федор Иванович, попросите вашего друга замолчать, иначе я за себя не ручаюсь.

Федор Иванович. Оставь, Иван Петрович. Ты же по гражданским делам, а тут... тут, брат, дело уголовное. (*Отстраняет от себя жену, выступает несколько вперёд и говорит, глядя только на старуху. Только раз или два в течение речи быстро взглядывает на Анфису.*) Да, господа. Не скажу, чтобы мы находились перед таким уже почтённым лицом, как выразился мой товарищ, – но что это лицо важно, что это лицо загадочно и даже страшно, об этом я позволю себе сказать несколько слов.

Татарин. Ну, раз ты сам хочешь говорить, тогда дело другое. Послушаем. Господа, Федор Иванович говорит.

Федор Иванович (*небрежным, несколько презрительным жестом указывает на бабушку*). Взгляните на неё. Никто не знает, откуда она пришла и чем она

была; я только смутно слышал о каком-то её муже, брате моего деда, который умер слишком рано, да, слишком рано. И, родившись вместе с этими старыми, полусгнившими стенами, я нашёл и её, такую же старую, гнилую, наполовину истлевшую – но живую. И уже в детстве я боялся её, и этой комнаты, и этих бесконечных петель, которые нанизывает она. (*Быстро.*) Я не верю, что это – чулок.

Аносов (*беспокойно и примирительно*). Ну, что, Федя, старушка и старушка. Эка, тогда и всех нас, стариков, бояться надо.

Татаринов. Ты отходишь от темы, Федор Иванович.

Федор Иванович. Кто она? Где обитает её тёмная душа? В каких болезненных корчах, смутных и страшных снах, в бреду старческого безумия доживает последние дни её истлевший, полумёртвый дух, измученный пленом долгой жизни? Она женщина – что это значит? Она старуха, что это значит? Какие образы хранит её дырявая, обветшалая память?.. Быть может, вся в ничтожных мелочах, быть может, вся в чадующей злобной тайны каких-то зол, каких-то страшных преступлений.

Александра Павловна. Федя...

Татаринов. Федор, оставь, нехорошо. Нетактично.

Федор Иванович (*гневно*). Молчи!.. Я пример, на-

пример, что притворяется она глухой, – зачем? Затем, чтобы слышать – чтобы знать? Затем, чтобы молчать? Но я – человек не робкий – я боюсь этой глухоты, в которой много чуткости, я боюсь этого молчания, в котором так много неразгаданной, но громко кричащей лжи!

Александра Павловна. Федя. Я прошу тебя...

Анфиса. Не довольно ли, Федор Иванович?

Розенталь. Bravo!

Федор Иванович (*мрачно*). Нет, не довольно. Я ещё не сказал самого важного, я ещё не сказал, что она – раба. А я боюсь рабов – они бьют в спину! Я боюсь этих загадочных существ, у которых куда-то в глубину, в потёмки загнана свобода, а наружу осталась только хитрость и злость. (*Вздрагивает.*) Да страшные удары в спину.

Ниночка (*громко*). Это неправда!

Аносов. Оставь, Нинка, ты куда ещё лезешь?

Ниночка (*ещё громче*). Это неправда, неправда, неправда!

Анфиса (*бросается к ней*). Что с тобой, Ниночка, что ты, голубчик? Вот что вы делаете, Федор Иванович, вашим... красноречием.

Федор Иванович. О чем ты, Нина?

Ниночка (*плачет, громко*). Оставь меня. Это неправда, что тебя в спину... в спину... Я не хочу, что-

Бы ты думал так, это ужасно думать так, я не хочу, это неправда...

Федор Иванович. Да, голубчик ты мой... Розенталь, принеси ей воды. Да ведь я ж не про себя! Ну, кто ж, подумай, ударит меня в спину?

Ниночка. Боже мой, я не могу, я побегу, я побегу в сад! *(С плачем убегает.)*

Пианист дико хохочет.

Петя *(взволнованно)*. Померанцев, ты мне друг или нет? Идём за ней.

Померанцев *(мрачно)*. Оставь, Петя. Он прав.

Петя. Идём!

Уходят.

Александра Павловна *(бледнеет и шатается)*. Ой, под сердцем... руку...

Татарин *(даёт ей руку)*. Ну, вот уж это совсем некстати! Талантливо, но черт знает какая ерунда! И опять-таки нетактично.

Анфиса. А по-моему, даже и не талантливо, а только...

Федор Иванович *(смеётся)*. А только? Договаривайте. Знаете: это скверное свойство – не договари-

вать или сказать все – и не уходить.

Мгновение они меряются взорами; затем Анфиса гневно хватает за руку покорного судейского.

Анфиса. Идёмте!

Занавес

Действие второе

Душный июньский вечер. Гостиная в доме Костомаровых. Все четыре окна настежь, за окнами непроглядная темень. Улица, на которой стоит дом Костомаровых, окраинная, малоезжая; и в этот чёрный душный вечер она пустынна и нема. Только у ворот тихо беседует отдыхающая прислуга, да изредка под окном прозвучат чьи-то неторопливые шаг. Темно и душно и в гостиной. Горит лишь одна лампа с красным матерчатым абажуром; вокруг лампы на диване и креслах сидят старики Аносовы и Александра Павловна. На подоконнике одного из раскрытых окон сидит Анфиса; её совсем почти не видно, и только, когда она говорит, начинает смутно белеть её лицо в чёрной рамке ночи, чёрного платья и чёрных волос.

Александра Павловна (*говорит устало и немного расслабленно*). И уж какое лето грозное: все грозы да грозы, а по деревьям пожары. Третьего дня в Кочетовке девочку молнией убило.

Аносов. На все Божья воля.

Аносова (*пристально смотрит на неяркий огонь лампы*). Уж на что бы, казалось, проще: лампа горит,

а вот но могу глаз отвести, да и только. До того измаялась я в темноте, что моченьки моей не стало, будто теперь только узнала я, какая-токая есть тёмная ночь.

Аносов. Керосин нужно побережь. Вон птицы без всяких ламп живут и не жалуются.

Аносова. Да уж и жалеем! Целое лето так-то вот перед тёмным окном сидим да горькие думы свои думаем. Все копейчку бережёт старик-то наш.

Аносов. Не ропщи!

Аносова. Да я не ропщу. А вот только намедни, сижу я так-то у окна да и осуждаю нашу управу! И чего бы думаю, у нашего дома фонарь ей не поставить: глядела я на него, и все как будто свет в очах. А то поставили углом, – кому он там нужен!

Аносов. Стало быть, нужен. Тебе одной, думаешь, свет приятен – эка!

Аносова. Думаю это я и осуждаю, а вдруг, глядь, какой-то прохожий, дай Бог ему здоровья, спичкой чиркнул, папиросу, должно быть, зажигал. И уж до того приятно это показалось, и уж так-то я этому огонёчку обрадовалась: не забыл, думаю, Господь, о завтрашнем дне напоминает.

Аносов. Так-то лучше! Вот погоди, старуха, скоро именинница будешь, так целый коробок спичек подарю, такой фейерверк устроишь, как на пожарном гуляньи, в саду.

Александра Павловна. Почаще бы к нам ходили, мамаша, а то не дозовешься.

Аносова. Да, попробуй поговори-ка с ним.

Аносов. Нет, дочка, ты уж лучше не приглашай. У тебя своя жизнь, молодая, весёлая, беззаботная, а у нас своя – стариковская, и зачем же мы будем докучать тебе нашим видом печальным? Вид у нас очень печальный, Сашенька. Как Божьей милостью затонули мои три баржи безвозмездно и попал я в несостоятельные должники...

Аносова. Ты, Сашенька, тогда ещё в девицах ходила, и вот уж чего не помню: кончила уже тогда гимназию или ещё училась?

Александра Павловна. Да в ту же весну и кончила. Как же вы не помните, мамаша?

Аносова. Перепуталось все. И себя-то уж плохо помним.

Аносов. И с тех пор берегу я каждую копейку, чтобы удовлетворить моих господ кредиторов. Конечно, мог бы я и не платить – полгорода надо мною смеётся: вот, говорят, старый дурак, себя кровей лишает, добрым людям брюхо растит. Даже господа кредиторы и те удивляются, как я им каждое первое число то пятёрочку, а то, Бог даст, и десяточку приношу. Да плюньте вы, говорят, Пал Палыч, мы уж про всякие ваши долги забыли, но, однако, я не позволяю и только тихим

голосом говорю: дозвольте расписочку в получении.

Александра Павловна. Федя и то говорит: давно бы вам перестать, папаша, – смешно, право!

Аносов. Нет, не смешно. Но обстоятельства в том, что я люблю справедливость. Кого Бог покарал? Меня, Павла Павлова, сына Аносова. Так кому ж отдуваться? Мне, Павлу Павлову, сыну Аносову. Для каждого человека – вслушайся, Анфиса, и ты в мои слова, ибо говорю я от чистого сердца и духа моего...

Анфиса (*тихо*). Я слушаю.

Аносов. Для каждого человека есть своя справедливость, есть она не только для господина губернатора, но даже, вслушайтесь, и для самого министра земледелия и промышленности. И ежели уж хороший пёс, и тот свои обязанности понимает, никогда куска без дозволения не возьмёт, так что же я, купец, хуже собаки, что ли?

Аносова. Зато Павла Павловича весь город уважает.

Аносов. Что город. Меня вся губерния уважает. Мужики на базаре и те меня заприметили и весьма кланяются, Аносова. Ну, ещё бы, мужики.

Аносов. А ты, старая, жалуешься. Керосину и в остроге достаточно, а вот чтобы без него светло было, так это, может, у нас только и есть. Ах, мало справедливых и на свете! И Господь Бог восчувствовал это,

взял дочерей моих и устроил. Вот только тебя, Анфиса, мне очень жалко: и умная ты, и красивая ты, и очень справедливая – про тебя, Сашенька, голубчик, я этого не скажу, – а живёшь ты так, что ни Богу ты свеча, ни черту кочерга.

Анфиса. Живу, папаша, как умею. Сами знаете, что такое жизнь.

Аносов. Знаю, дочка, знаю. Ты не обижайся, мы с матерью очень уважаем тебя. Кто первый сказал тебе: брось этого стервеца, хоть он и чиновник министерства финансов?

Анфиса. Вы, папаша.

Аносов. Ну, вот то-то. А ты, Сашенька, вслушалась в мои слова?

Александра Павловна. Как же, вслушалась. Это вы верно сказали: Анфиса очень справедливая. Про себя я не говорю: что я такое? А она очень справедливая. Прямо сказать – другой такой женщины среди нас, может быть, и не найдётся.

Анфиса (*весёлым голосом*). Ну, оставь, Саша!.. Просто я... Ты сама такая хорошая...

Аносова. Да, занапрасно ты, старик, Сашеньку обидел твоею справедливостью. На что я добра, а Саша, так та просто до глупости.

Аносов. Ну, и слава Богу! Все, стало быть, хорошие люди оказались, один другого лучше. До того хо-

рошие, что можно и по домам идти.

Александра Павловна. Посидите, рано ещё. Может, скоро и Федя из сада вернётся.

Анфиса. Он с Ниночкой поехал?

Александра Павловна. Да. Посидите, папаша, а то мне, право, скучно.

Аносов. Ничего, с сестрой посидишь, а нам и спать пора. А Федору Ивановичу передай ты, Сашенька, высокое почитание и скажи ему: день и ночь благодарим мы его со старухой за Ниночку, что приютил сироту. Потому что у таких родителей, как мы, несостоятельных должников, и дети сироты. Подарочек я ему один приготовил, мундштук пенковый приобрёл на толкучке. Очень занятой конструкции, с голой женщиною – старуха даже смотреть не хочет, хотя женщина при всем своём справедливом фасоне... Но об этом молчок.

Уходят, и Александра Павловна их провожает. Во время дальнейшего разговора в передней Анфиса быстро ходит по комнате и несколько раз хватается за голову.

Аносов. Ну, как, дочка?

Александра Павловна. Да уж седьмой месяц.

Аносов. Ну, и напьюсь же я у тебя на крестинах,

дебош произведу. Да музыканта этого пригласи, уж очень он весёлый человек. Как хватит!.. Постой, старуха, что это ты под тальму прячешь? Не воруй, городского позову.

Аносова (*робко*). Это мне... Саша свечку на всякий случай дала. Огарочек!

Аносов. Э, нет. Отдай назад. У неё там целые паникадила горят, а она – огарочек! Э-э-эх! Не коснулся, видно, Господь ещё женщины, и сколько ты её ни корми, а она все в лес смотрит.

Александра Павловна. Это я, папаша.

Аносов. Ну, и ты хороша. Огарочек... То есть из-за какого-нибудь огарочка она тебе...

Голоса смолкают. Александра Павловна возвращается.

Александра Павловна (*смеётся*). Вот история! Так рассердился старик, что даже прощаться не захотел, – грозит, что ходить не станет.

Анфиса. Я слышала.

Александра Павловна. А у мамыши в левой руке целковый зажат, всю дорогу теперь дрожать будет, как бы не попасться. (*Ласково.*) Что с тобой, Анфисушка, мрачная ты какая?

Анфиса. Так, голова немного болит.

Александра Павловна. Ой, смотри, боюсь я этой головной боли. А не поташнивает тебя?

Анфиса (весело). А отчего меня будет тошнить? Хотя, конечно, при мигрени...

Александра Павловна. Я и говорю, что при мигрени. Вот странная вещь: когда я Верочкой беременна была, так просто не знала, куда деваться от тошноты, а вот теперь как-то незаметно прошло. Отчего бы это?

Анфиса. Не знаю, право, я так давно беременна была, что уж все... перезабыла. Кажется, и меня тошнило.

Александра Павловна (смеётся). Ну, конечно, откуда тебе и знать? Живёшь ты, как честная вдова... А вот выдам тебя замуж, тогда опять вспомнишь. (Серьёзно.) И вот что, сестра, не забудь своего обещания.

Анфиса (тревожно). Какого?

Александра Павловна. Такого. Неужели позабыла? Ах, нехорошо, нехорошо, сестра, так я на тебя полагаюсь, так я тебе верила всегда – ведь я тебя чуть ли не святой считала, ей-Богу!

Анфиса. Да про что ты?

Александра Павловна (смеётся). А в крёстные матери-то. Помнишь, ты сказала: как только второй ребёнок родится, обязательно тебя, Саша, в крёстные матери позову.

Анфиса (*смеётся*). Разве обещала? Ну, тогда, правда, забыла совсем, ведь ты знаешь, как я далека от всего от этого.

Александра Павловна. Всякий знает.

Анфиса. Ты вот говоришь – замуж, а я как вспомню про это несчастное замужество своё, мне становится так грустно, так обидно... Слепая я тогда была. Вон пословица: кого Бог хочет погубить, того сперва лишит разума. А нас всех Он раньше лишил разума, – пусть выбирается, которая сумеет.

Александра Павловна (*громко*). А офицера в Смоленске помнишь?

Анфиса (*испуганно*). Тише! (*Строго.*) И ни не вспоминай мне этого, слышишь? Этого не было когда. Я ничего не помню, и ты забудь, и пусть никто не знает о моем позоре.

Александра Павловна (*с раскаянием*). Ах, Ты, Господи, что же я наделала? Дело, думаю, прошлое, и потом же не чужому говорю, а своему...

Анфиса. Ты рассказала?

Александра Павловна. Да, Феде.

Молчание.

Александра Павловна. Ты бы, Анфиса, ментолу попробовала, а то можно в аптеку за карандашом послать. Мишка живо сбегает. (*Подходит к окну, кричит.*) Миша!

Анфиса. Нет, не надо. У меня уже совсем прошла. Просто от жары. Такой душный день сегодня. *(Пьёт воду, говорит насмешливо.)* Ну, и что же сказал твой благоверный, удивился?

Александра Павловна. Представь себе очень. Только засмеялся и говорит...

Анфиса. Ну, хорошо, будет об этом, неинтересно. Какая жара!

Александра Павловна. Да. Хоть бы ветер был. Да вот ещё, кстати, все забываю тебе сказать: у меня одна часть твоего туалета лежит, возьми, пожалуйста.

Анфиса. Что? От стирки что-нибудь осталось?

Александра Павловна. Нет. *(Смеётся.)* Представь себе какой случай: наша Катя в кабинете Федора Ивановича подняла. Ну, конечно, ко мне и принесла, возьми, пожалуйста, не забудь.

Анфиса *(смеётся)*. Этого не может быть, что ты говоришь! Какие пустяки!

Александра Павловна. Отчего же не может быть? Сидела в кабинете, подшивала, а тебя кто-нибудь позвал, ты и забыла. Там и сейчас кружевцо немного оборвано. Ты не волнуйся! Я так Кате все и объяснила. А то ты знаешь, какой у нас народ на кухне, – пойдут разговоры. *(Строго.)* Если тебе другой раз понадобится что-нибудь работать, так приходи ко мне. А то все-таки кабинет адвоката, клиенты, посторонние

люди бывают, неудобно, если вдруг на полу...

Анфиса. Да, конечно, конечно. Федор Иванович любит порядок. Я вообще редко встречала человека, который, с одной стороны, был бы так безалаберен, как Федя, а с другой... Хоть бы гроза, что ли! Знаешь, не пройтись ли нам хоть по улице около дома? Засиделись мы с тобой, как старухи. Когда я в Смоленске жила, там тоже есть сад, Лопатинский называется...

Александра Павловна. Что ж, пойди, а я Федю ждать буду. Он такой милый стал за последнее время, что я и не знаю, как тебя благодарить. *(Смеётся.)* Ну, что я теперь? Беременная, некрасивая, самой на себя в зеркало взглянуть противно, а он меня целует, как невесту. Позавчера ночью я даже испугалась. Кто это, думаю вошёл?

Анфиса. Ну?

Александра Павловна. Так тебе все и рассказывать, какая ты любопытная! *(С нескрываемой насмешкой.)* Сама, я думаю, прекрасно знаешь, что бывает между мужчиной и женщиной, когда они друг друга любят.

Анфиса. Но он...

Александра Павловна *(вызывающе).* Что он? Не любит?

Молчание. Смотрят друг на друга.

Анфиса (*упавшим голосом*). Жарко.

За окном голос Татаринова:

– Можно? Я только на минутку.

Александра Павловна (*с сожалением отрывая взгляд от Анфисы*). Эка, принесла нелёгкая! (*В окно, со смехом.*) Заходите, заходите, Иван Петрович, очень рады. Мы здесь с Анфисой, как две безутешные вдовы. (*К Анфисе.*) Милый человек – я его очень люблю. Ты рада, что он пришёл?

Анфиса (*смеётся*). Только уж очень он скучный. Про него верно Розенталь говорит...

Входит Татаринов, его радушно встречают, но он мрачен.

Александра Павловна. Что это вы так мрачный, Иван Петрович? (*Беспокойно.*) Случилось что-нибудь?

Татаринов. Нет, нездоровится. С желудком что-то неладное, завтра к доктору пойду. Какой-нибудь в ресторане накормили.

Анфиса. Вы откуда?

Татаринов. Откуда же! – из городского сада. С Фед-

ром Ивановичем там сидели, он пиво пил, а я ничего не стал. Ну, конечно, Розенталь. Но только (*разгорячась и ходя по комнате*) я больше этого терпеть не стану. Пусть у Федора Ивановича будет хоть гений, а я этого терпеть не стану. Эта... развратнейшая личность, этот нахал Розенталь...

Александра Павловна. Опять?

Татарин (*останавливаясь*). Вы знаете эту собаку в саду, приبلудная какая-то, все её знают, вертится постоянно? (*Мрачно.*) Жучкой её зовут.

Александра Павловна. Не знаю.

Татарин. А, Господи, её все знают. Но только черт её знает, откуда она. И вот сегодня вертится она вокруг нашего стола, а Розенталь говорит шёпотом Федору Ивановичу: «посмотри, как нынче Татарин мрачен». Ну, а я, знаете, нездоров, и мне даже приятно показалось, что такой негодяй тоже имеет человеческое сердце. И что же? «Это оттого, говорит, Татарин так мрачен, что не знает верно, кто Жучкин отец, и не может назвать по отчеству». А?

Обе женщины смеются.

Татарин (*горько*). Смешно? И вот такое кабацкое остроумие всегда будет иметь успех, а то, что я не подаю ему руки, то, что я член совета сословия при-

сязжных поверенных...

Анфиса (*примирительно*). Да оставьте, голубчик, да охота же вам! Болтун, говорит глупости, а, в сущности говоря, – очень безобидный и даже хороший человек.

Татаринов. Я буду жаловаться на него в совет.

Александра Павловна. Ну и жалуйтесь. Пусть ему зададут хорошенько. Ну, а что Федя?

Татаринов. Там эта Беренс...

Обе женщины. Что?? Беренс?

Татаринов. Успокойтесь, все обошлось прекрасно. Я как раз и рассказать хотел, что совсем наоборот. Можно говорить? Впрочем, вы обе...

Александра Павловна. Да, обе. Говорите.

Татаринов. Ну вот, сидим мы это за столиком тут, и Нина Павловна с нами была, и вдруг эта Беренс подходит к нам прямо к столику, – вы представляете себе эту дерзость? – колышет этак шляпой и говорит: «Федор Иванович, я случайно осталась одна, не можете ли вы проводить меня до дому?» Нина Павловна даже побледнела, а я...

Александра Павловна. Да ну, скорей же говорите.

Татаринов (*торжественно*). И Федор Иванович взял её за руку, вот так, и просто отвёл от стола, как ребёнка или как собаку, и сказал ей только два каких-то слова, и она ушла одна, как пришла. Но если

бы видели, как она уходила.

Александра Павловна (*смеётся*). Я представляю!

Анфиса (*мрачно*). Мне её жаль.

Александра Павловна (*с негодованием*). Её-то?

Ты совсем... порешилась, Анфиса.

Татаринов. Скажу по правде, и мне её жаль стало – уж очень гордо она пришла и уж очень... жалко она ушла. И хотя Федор Иванович был вполне вежлив...

За окном тревожные голоса.

Ниночка (*в окно*). Саша, ты здесь? Саша!.. Саша, ты знаешь, Померанцев застрелился.

Александра Павловна (*хватаясь за грудь*). Ах, какой ещё Померанцев?

Петя. Мой товарищ, гимназист. Он под Новый год у вас был. Прямо в сердце.

Татаринов. Да когда же это? Не больше часу, как я ушёл из сада.

Ниночка. Вы только что ушли, прибегает Петя и говорит...

Александра Павловна. Зайдите, Петя, расскажите.

Петя. Не могу, Александра Павловна. Мы, гимназисты, решили дежурить около него ночь.

Анфиса. Петя, это он от любви?

Петя (*поучительно*). Разве только любовь и есть на Анфиса Павловна? Есть и другие проклятые вопросы.

Ниночка. Он любви не признавал.

Анфиса. Цветов ему хороших насобирайте. Цветов...

Ниночка (*плачет*). Мы и то все розы в саду обломали. И дядя Федя с нами ломал.

Александра Павловна. Какое мальчишество! А где же Федя сейчас?

Петя. Он к полицеймейстеру поехал.

Ниночка. Он велел мне около больницы его подождать. Я так только на минутку прибежала сказать. Мы сейчас с ним приедем.

Анфиса (*уходящим*). Цветов ему насобирайте.

Татарин (*морщась*). Какая неприятность! И что делается с этой молодёжью, экзамен он, не выдержал?

Александра Павловна. А у меня сегодня точно предчувствие какое-то...

Анфиса горько плачет.

Татарин. Что с вами, Анфиса Павловна? Да успокойтесь же вы.

Александра Павловна (*недовольно*). Что ещё за комедия, Анфиса?

Анфиса. Хорошо умереть молодым... (*Плачет.*)

Александра Павловна (*всхлипывает*). Ну, вот ты

и меня расстроила. Уж я так берегусь, чтобы не волноваться, а ты...

Анфиса. Ну, ничего, ничего. Так вспомнилось. *(Улыбается сквозь слезы.)* Смешной мальчик. Любви не признавал, проклятые вопросы... Хорошо умереть молодым!

Татаринов. Да вот ещё что! Очень важно! Я только что хотел рассказать, как пришли они и помешали. Дело касается Федора Ивановича и, боюсь, очень серьезно. Дело в том...

Александра Павловна. Ну, что же ещё, Господи? Разве уж мало того, что есть?

Татаринов. Когда мы с Фёдором Ивановичем проходили по террасе, нам встретился Ставровский. И хотя с того случая на суде они с Федей, так сказать, незнакомы и руки друг другу не подают, Федор просто из вежливости поклонился ему. И Ставровский не ответил. Может быть, не видел – не знаю. Но только Федор отвёл меня в угол и говорит мне спокойно, но сам белый, как бумага. И да на «вы». «Передайте, говорит, Ставровскому, что если в следующий раз он не ответит на мой поклон, – а я и в следующий раз ему поклонюсь, – то мы будем драться, или просто убью его, как собаку». Только вы, ради Бога, не передавайте Федору, что я рассказал.

Александра Павловна *(растерянно)*. Как же те-

перь?

Татаринов. Не знаю. Я, конечно, приму все меры для того, чтобы уговорить Ставровского, но за успех не ручаюсь: он ужасно самолюбивый и, наверно, станет на дыбы. Главное, вы постарайтесь повлиять на Федора Ивановича. Вы, Анфиса Павловна, имеете на него такое большое влияние...

Александра Павловна. Да, Анфиса, пожалуйста. Я умоляю тебя!

Анфиса. Я не знаю... Конечно, я постараюсь. Успокойся, Сашечка!..

Хочет погладить её по плечу, но та явно уклоняется.

Татаринов. Ну, надо бы идти. Посидел бы ещё, да так меня расстроили все эти истории, что едва на ногах держусь. Прощайте. *(Из передней.)* А бабушка-то ещё не спит? Как шёл, огонь у неё видел.

Александра Павловна. Не спит. Она у нас как сова – всю ночь глаза раскрыты.

Татаринов. Прощайте.

Александра Павловна. Прощайте... Ну, и я пойду спать, тоже едва на ногах держусь. А ты ещё не ляжешь?

Анфиса. Нет, подожду.

Александра Павловна. Может быть, Федя не ужинал сегодня, так ты разбуди, пожалуйста, Катю и вели ей подогреть.

Анфиса. Хорошо.

Александра Павловна уходит.

Анфиса. Саша... Саша, ты не хочешь проститься со мной?

Александра Павловна. Ах, прости, голубчик, забыла совсем. *(Подходит и подставляет щеку.)*

Анфиса. Прощай. *(Неловко целует подставленную неподвижную щеку.)*

Александра Павловна. Так не забудь про ужин.

Анфиса остаётся одна. Проходит по комнате, прислушивается у окна, потом подходит к столу и при свете лампы сосредоточенно и внимательно рассматривает большой перстень на мизинце левой руки. Проходит кто-то под окном, насвистывая марш «Под двуглавым орлом». Анфиса перебирает клавиши на пианино. Садится и начинает играть.

Александра Павловна (из дверей). Ты опять с твоей музыкой, Анфиса. Конечно, я тебя понимаю, но пойми и ты, что здесь семейный дом, и что уже все

спит, и что, наконец, я просто нуждаюсь в покое. Музыка, сентименты всякие... становится прямо невыносимо.

Анфиса, поднявшись, слушает насмешливую, под конец грубую речь сестры; потом ходит по комнате и смеётся. К дому подъезжает извозчик. Голос Федора Ивановича и звонок. Входят Федор Иванович и Ниночка.

Федор Иванович (*проходит*). А, это вы? Саша спит? В кабинете у меня огонь есть?

Ниночка. Спокойной ночи, дядя Федя.

Федор Иванович (*ласково*). Спокойной ночи, девочка.

Уходит к себе в кабинет. Ниночка, словно не замечая Анфисы, также хочет уходить.

Анфиса. Ниночка!

Та притворяется, что не слышит, идёт.

Анфиса (*громче*). Ниночка, погоди минутку.

Ниночка (*останавливаясь*). Ах, это ты? Что надо? Только, только... пожалуйста, поскорей, я очень уста-

ла сегодня, нездоровится...

Анфиса (*ласково, но нерешительно, с мольбою в голосе*). Вот что я хотела... Ну, как там, расскажи. Бедный мальчик, мне его очень жаль. Я, кажется, только раз видела его по приезду, но у меня осталось почему-то в памяти его лицо. (*Улыбаясь.*) Я даже заплакала сегодня, когда узнала о его смерти.

Ниночка (*холодно и недоверчиво*). Ты заплакала?

Анфиса (*улыбаясь*). Почему же ты думаешь, что я не могу заплакать? Это так неожиданно и страшно и... мне просто жаль его.

Ниночка. Да, конечно. (*Сурово.*) Он был хороший человек.

Анфиса. Да, очень хороший. И потом, Ниночка, у меня очень много своего горя, и я теперь... легко плачу:

Ниночка. Да? Спокойной ночи, я устала.

Анфиса (*с боязливым упрёком*). Ты слышишь, Ниночка: у меня очень много горя, и я... легко плачу. (*Отворачивается.*)

Ниночка. Да, слышу. Спокойной ночи.

Анфиса. Ты не хочешь даже со мною говорить? Скажи, что я сделала тебе?

Ниночка. Ничего.

Анфиса. Так почему ж ты так относишься ко мне? (*Строго.*) Это нехорошо, Нина! Ты ещё девочка по

сравнению со мной, ты ещё ребёнок совсем, наконец, ты моя сестра, и когда я иду к тебе с открытым сердцем, прошу хоть каплю участия, ты отворачиваешься. Ведь я так одинока, Ниночка.

Ниночка. Ты? Ты одинока? *(Смеётся.)* Ах, Анфиса, какая ты... нехорошая!

Анфиса. Ты не смеешь так говорить!

Ниночка. Зачем ты лжёшь? Зачем ты говоришь какой-то моей любви, о сочувствии, о своём одиночестве? Вспомни, когда сама ты заговорила со мной, когда? Только вот сегодня.

Анфиса. Когда я приехала...

Ниночка *(с презрением).* О, когда ты приехала! Тогда ты была царицей, тогда ты была святая, тогда ты о том и думала, чтобы доставить людям радость и – научить. Это ты – учить! Да, когда ты приехала, ты говорила со мною, и я чуть не полюбила тебя, как эти – обманутые.

Анфиса *(сдерживая себя).* Ты ещё девочка! Ты ещё видела ни жизни, ни страдания, и ты уже смеешь так осуждать. О, хорошая выйдет из тебя женщина, много радости дашь ты людям!

Ниночка. А ты много её дала?

Анфиса. Ты не смеешь так говорить со мной.

Ниночка. Тише, дядя Федя услышит. *(Смеётся.)* Как ты испугалась! Ты не была такая трусливая, когда

– приехала.

Анфиса. Смотри, Нина, не накликай на себя судьбу. Может быть, и я теперь плачусь за то, что слишком осуждала и слишком требовала много. Я обратилась к тебе, как сестре...

Ниночка. К сестре!.. Зачем ты лжёшь, я не понимаю. Какая я тебе сестра? Разве так смотрят на сестру, как ты на меня все время смотришь? Ты, конечно, не видишь своих глаз, но я-то их вижу. Я теперь боюсь тёмных углов. Как тёмный угол, так оттуда смотрят на меня твои глаза, смотрят с такою ненавистью, с такой злобой... Я теперь во сне вижу твои глаза и просыпаюсь от их взгляда каждый раз с чувством, что ты меня уже – убила.

Анфиса (*грубо*). Ты с ума сошла!

Ниночка. Нет, я не сошла с ума. Зачем ты носишь на пальце яд?

Анфиса. Это неправда.

Ниночка. Опять лжёшь: ты сама показывала, как открывается перстень. Зачем ты носишь на пальце яд? Так делают только убийцы.

Анфиса. Этот яд – для меня.

Ниночка. Неправда. Для других.

Анфиса (*гневно*). Для меня, я тебе говорю.

Ниночка. Для тебя? Так почему же ты... не лежишь рядом с Померанцевым?

Анфиса. Нина! Что ты говоришь?

Ниночка. Впрочем... он был честный.

Анфиса (*в ужасе*). Как ты жестока, Нина, как ты безумно жестока!

Ниночка (*берясь пальцами за виски*). Ах, ложь, ложь, ложь!

Из кабинета выходит Федор Иванович.

Федор Иванович. Что это? Не спите ещё?

Анфиса. Да так. Федор Иванович, вы будете ужинать, я велю разогреть?

Федор Иванович. Нет. Ниночка, девочка, отчего ты не идёшь спать? Бедная ты моя девочка! (*Целует.*) Иди себе, девочка, спи. У тебя глаза, как у молчания в лесу. (*К Анфисе, вскользь.*) Ты слыхала про гимназиста? (*К Ниночке.*) Если б я был твоей нянькой, я рассказал бы тихую сказку о иных счастливых странах, где не убивают ни себя, ни других, где розами украшают живых, а не мёртвых. Золотыми снами обвеял бы твоё сердце, золотыми снами, как короной, увенчал бы твою головку... (*Улыбается.*) Если бы был твоей нянькой.

Ниночка (*тихо*). Проводи меня до комнаты.

Федор Иванович. Боишься? Ну, идём, идём, хочешь, на руки возьму?

Ниночка (покорно). На руки – не надо.

Уходят. Анфиса с ужасом смотрит им вслед, делает шаг к двери, куда скрылись, но поворачивается и быстро ходит по комнате, роняя мебель. Ломает руки.

Федор Иванович (входя). Бедная девчонки! Бедная девчонка! Ты отчего не спишь, Анфиса? Пора. Ужинать я не буду. Прощай. *(Небрежно целует её в щеку и к двери кабинета.)*

Анфиса (хрипло). И только?

Федор Иванович. А что же ещё? Надо спать.

Анфиса (хрипло). И только?

Федор Иванович (мягко). Я устал. Сегодня у меня очень тяжёлый день.

Анфиса. Отчего же ты мне не расскажешь про твой тяжёлый день? Ты уходишь, отчего же ты не зовёшь меня к себе?

Федор Иванович. К себе, сегодня? *(Сурово.)* Ты забыла про смерть.

Анфиса. Что? *(Понимая.)* Какая гадость! Какая гадость! И только это ты мог подумать. *(Быстро ходит по комнате, заламывает руки.)* Федор, я больше не могу. Федор, что ты делаешь со мной? Я больше не могу.

Федор Иванович (*неохотно садится*). Ну, что ещё такое, Анфиса? Говори. Который час? Но только не лучше ли отложить до завтра? Пожалуйста. (*Закрывает глаза рукой.*) Ведь я видел его, Анфиса. И у меня сейчас перед глазами это маленькое, жёлтое, восковое лицо, лицо безбородого мальчишки, который вдруг осмелился стать мужем. Как он смел?

Анфиса (*тихо*). Федор, я больше не могу.

Федор Иванович (*встаёт и ходит*). Как он смел? Взял и сделал то, о чем мечтает каждый человек... да, хоть в жизни, но каждый из нас мечтал о самоубийстве. И все мы стали маленькие, а он вырос, как гигант, гигантской тенью лёг над нами и мёртвыми глазами смотрит прямо в душу. Чего он смотрит? Что я ему отвечу? Ну, конечно – мы, живые, принесли ему цветов... каких-то красных роз, травы и даже веток – мы рвали в темноте. И я рвал. И они, эти испуганные и торжествующие дети, они больше не уважали меня – они уважали только его. Ну... ты не слушаешь меня.

Анфиса. Федор, скажи: ты уже больше не любишь меня?

Федор Иванович. Ах, Анфиса! (*Вздыхает и садится.*) Ну, люблю. Ну, что случилось, говори. Только лучше бы... не надо, Анфиса.

Анфиса. Ты помнишь, Федор, что ты обещал, когда я отдавалась тебе? Что больше ты не будешь близок

с женой – ты помнишь?

Федор Иванович утвердительно кивает головой.

Анфиса. Я рада. Значит, это неправда, что третьего дня ночью ты был у неё?

Федор Иванович (*медленно*). Нет, правда. Был.

Анфиса (*хватаясь за шею*). Да, был? А я думала, что она солгала... Значит, правда: был. Кто же я теперь, Федор? Ты назвал меня женой – жена или любовница?

Федор Иванович. Зачем так резко? Я этого не говорю.

Анфиса. Не говоришь? И ты знаешь, как они относятся ко мне – все, все, эта добрая Саша, эта чистая девочка, которой ты хотел навеять золотые сны? Меня травят, преследуют на каждом шагу, меня грызут, как собаку, забежавшую на чужой двор. Нянька не пускает меня в детскую, меня презирает Катя, твой кучер Еремей фамильярничает со мной... а я? Верчусь, улыбаюсь, глотаю отравленный хлеб – ты видел, как Саша подаёт мне тарелку за обедом?

Федор Иванович (*холодно*). Да, видел. И... удивлялся.

Анфиса. Чему?

Федор Иванович. Что ты не возьмёшь эту тарелку и не бросишь в голову Саше.

Анфиса. Ты этого хочешь? Да? Говори, ты этого хо-

чешь?

Федор Иванович. Тише. Я знаю только одно, что ты этого не можешь. И нельзя ли, пожалуйста, Анфиса, крика и вообще без этих... супружеских сцен. (*Мяжко.*) Я прошу тебя, Анфиса. Я сегодня устал и кроме того... (*Сдержанно, волнуясь.*) Один негодяй оскорбил меня. Конечно, это пустяки.

Анфиса. Да, я знаю. Ставровский. И он был прав.

Федор Иванович (*угрожающе, но все ещё сдержанно*). Анфиса! Я прошу тебя...

Анфиса. Да, да, он был прав. И, вероятно, это было очень красиво, когда ты поклонился, а он...

Федор Иванович (*поднимаясь*). Я уйду.

Анфиса (*кричит*). Нет, нет!

Федор Иванович. Чего ты хочешь? Ты сама не понимаешь, что ты говоришь. Он был прав! Господа, которые просто завидуют мне, господа, которые не могут переварить того, что я зарабатываю десятки тысяч, что публика устраивает мне овации.

Анфиса (*почти невольно*). Тебе кричали: вон!

Федор Иванович (*медленно*). Да? Спокойной ночи, Анфиса.

Анфиса. Федя! Я не буду, постой. Не уходи. Я знаю, что я говорю. Но я так несчастна, так несчастна. Господи, что вы все делаете со мной?

Федор Иванович. Мне... надоело это. Чего ты хо-

чешь, Анфиса? Ты хочешь правды, да?

Анфиса. Да... если только ты можешь... сказать правду.

Федор Иванович. Если только могу? (*Грубо.*) Ну, так ты мне – не нужна. Понимаешь, просто не нужна.

Анфиса (*бледнея*). Так говорят только прислуге.

Федор Иванович. Ах, оставь эти жалкие слова! Вообще, зачем ты лжёшь? Зачем ты солгала мне про свою гордость – ты вовсе не горда. Зачем ты солгала мне про какую-то недоступность – ты доступна, как и все. Помню, как я бегал по саду, по колена в снегу, без шапки и звал тебя, а ты сидела там, в углу, с этим ничтожеством. Как ещё тогда я не понял тебя!

Анфиса. Федор, ты раскаешься в том, что говоришь.

Федор Иванович (*смеётся*). Любовница!.. Ну, да, любовница. Я хотел, чтобы ты стала женою, а ты сумела стать только любовницей... как все эти Саши, Лизы...

Анфиса. Так. Только любовницей? Что же мне было делать, скажи.

Федор Иванович. Не знаю.

Анфиса. Нет, ты скажи! Ты не прячься! Что же мне было делать, ну, говори!

Федор Иванович. Почём я знаю, что должна делать женщина, которую я люблю? Этому не учат.

Анфиса. Нет, скажи! Ты теперь не имеешь права молчать. Что я не бросила в голову тарелкой этой несчастной беременной женщине, да? Что из любви к тебе я унижалась, терпела плевки, разучилась краснеть, ненавидела да? Что я верила в твоё благородство, в твоё понимание, в твою мужскую силу, в твою честность?..

Федор Иванович. Постой. А зачем... а зачем ты солгала мне про этого офицера в Смоленске? Ты говорила, что не было ничего...

Анфиса *(глухо)*. То был мой позор. То была ошибка, за которую я наказана.

Федор Иванович *(насмешливо)*. И ты боялась, что я не пойму ошибки? И это ты называешь – верила в меня? Ах, Анфиса, зачем ты лжёшь? Этот офицер бросил тебя?

Анфиса. Нет. Но он оскорбил меня.

Федор Иванович *(медленно)*. Зачем же ты не убила его, Анфиса? Ты должна была его убить. Зачем же тогда *(с презрением поднимает руку Анфисы, на которой перстень, и снова бросает её)* ты носишь это?

Анфиса. Тогда я ещё не носила.

Федор Иванович смеётся.

Анфиса *(с ударением)*. Тогда я ещё не носила это-

го.

Федор Иванович. А теперь носишь? Не страшно, Анфиса.

Анфиса. Ты смеёшься?

Федор Иванович. Смеюсь. Уезжай, Анфиса.

Анфиса. Ты... ты просто – негодяй.

Плачет, закрыв лицо руками. Молчание.

Федор Иванович. Скажите это при всех, Анфиса Павловна, и я вам поверю... Уезжайте.

Анфиса *(сдерживая слезы)*. Я не уеду.

Федор Иванович. Да? Останетесь?

Анфиса. Да. Останусь. Вы сказали: когда Саша родит, я уеду с тобой. Вы были гуманны, вы не хотели тревожить вашей беременной жены...

Федор Иванович *(гневно)*. Опять ложь! Это вытвердили о её беременности, это вы требовали прятток, темноты...

Анфиса *(с притворной кротостью)*. Вы можете меня ударить. Ведь вы – сильнее.

Федор Иванович. Молчать!

Анфиса. Тише, вас услышит беременная жена.

Федор Иванович *(тяжело дыша)*. Будет. Оставайтесь, если хотите. Я иду спать. *(Встаёт.)*

Анфиса *(ещё не веря, что он уходит)*. Побудь со

мною ещё одну минуту.

Федор Иванович. Нет.

Анфиса (*пугаясь*). Одну только минуту. Я ещё не все сказала. Одну только минуту.

Федор Иванович. Нет.

Анфиса. Пожалей меня. Ах, Боже мой, ей ты хотел навеять золотые сны, неужели меня... меня... такую, ты оставишь одну. Прости меня.

Федор Иванович. Ложь!

Анфиса. Федя, пожалей меня. Одну минуту... минуточку...

Федор Иванович (*идёт*). Ложь!

Анфиса (*в исступлении*). Федор, если ты уйдёшь, я сейчас убью себя.

Федор Иванович. Этим ядом, что на пальце? Ложь, ложь, ложь!

Идёт не оглядываясь, к двери. Анфиса следует за ним, тянется к нему руками, но не смеет коснуться.

Анфиса. Федя... Федор... Это безбожно! Пожалей меня... я умираю. Федя, неужели ты оставишь меня?

Федор Иванович молча открывает двери кабинета, молча отстраняет от себя Анфису и уходит. Щёлкает ключ.

Анфиса (*падая на колени перед глухою дверью*).
Федя, Федя, пожалей ты меня. Этого не может быть.
(*Тихонько стучит пальцем в дверь.*) Федя, Федор
Иванович, пустите. Вы не слышите? Федя! Ай, я бо-
юсь! Ай, я одна! Мне же некуда пойти, Федя. Мне же
некуда пойти. Пожалей же ты меня...

В слезах падает на пол.

Занавес

Действие третье

Вечер. Крестины. На сцене столовая Костомаровых. Идут последние приготовления к ужину, который будет тотчас после того, как совершится обряд. Около стола хлопочут горничная Катя и для этого вечера приглашённый лакей, грязноватый человек с небритой физиономией. Самые крестины происходят в детской, за комнату от столовой; и оттуда доносится говор многих голосов, изредка смех.

В комнатах очень светло и как будто весело.

При открытии занавеса в столовой только двое: Федор Иванович, который сосредоточенно шагает по комнате, заложив руки под фалды фрака, и Татаринов. Последний стоит в угрюмо-укоризненной, но в то же время несколько просительной позе и медленно ворочает головой в направлении шагающего, по-видимому, неслушающего Федора Ивановича. Оба адвоката во фраках со значками.

Татаринов. Федя, я потеряю тебя, что ты не имеешь права так относиться к своему здоровью. Ты слышишь?

Федор Иванович. Слышу.

Татаринов. А главное, к своему таланту, который начинает блекнуть и терять краски, Федя.

Федор Иванович. Ты это видишь?

Татаринов. И не только я, но и другие видят. Федор, послушай меня. Ну, если бы ты был прирождённым алкоголиком, как этот... Розенталь, я оставил бы тебя в покое: пей и погибай! Но ведь ты здоровейший человек, и весь той род...

Федор Иванович. Надоело. Оставь! И я вовсе не пью так много, чтобы стоило из-за этого поднимать шум. Как все это нелепо!

Татаринов (*угрюмо*). Играешь в карты.

Федор Иванович. Да, играю. Здесь можно и не беспокоиться: я всегда выигрываю.

Татаринов. Что же хорошего? Ты выигрываешь, значит, кто-нибудь проигрывает. Ты, может быть, думаешь, что все это геройство, а по-моему – только бесхарактерность. Хотя бы эта печальнейшая история со Ставровским...

Федор Иванович. Тебе не нравится?

Татаринов (*морщась*). Ах, Федор Иванович, Федор Иванович! Ведь ты же не думаешь того, что говоришь! И я вообще не понимаю, как ты, Федор Иванович, с твоим высоким понятием о личности, с твоим, наконец, огромным талантом мог опуститься до того, чтобы ударить человека...

Федор Иванович. Я хотел посмотреть, как поступит Ставровский.

Татаринов. Ну, и что же?

Федор Иванович (*пожимая плечами*). Ничего.

Татаринов. А по-моему, он был совершенно прав, и прибег к защите закона, а не кулаков. Мы, как носители...

Федор Иванович. Который час? Надоело, Иван Петрович, оставь. Сто раз слышал!

Татаринов. А вот тебя исключат!

Федор Иванович. И это слышал.

Татаринов. Федя, подумай о жене.

Александра Павловна, несколько раз выглядывавшая из двери и слушавшая разговор, предостерегающе указывает Татаринову на мужа, просит, чтобы замолчал. Бойтся.

Федор Иванович (*останавливаясь*). Ну? Что там про жену?

Татаринов. Да так, ничего. Ну, знаешь, как по обыкновению...

Федор Иванович (*морщась*). Ах, и надоел же ты мне! И почему я до сих пор тебя терплю, не понимаю. Так, заодно уж, должно быть, с остальным.

Александра Павловна (*умышленно громко*). Ка-

тя, – сколько же тут приборов, ты сосчитай. Ты считать умеешь?

Подходит к мужу и кладёт ему руку на плечо. Тот недовольно останавливается. Александра Павловна ещё не совсем поправилась после родов, похудела, улыбается томною, несколько жалкою улыбкой.

Федор Иванович. Ну, что ты? Скоро там?

Александра Павловна. Так, немного приласкаться захотелось... устала. Да, вообрази, какая история, Федя: забыли подогреть воду, попробовала я рукой – она как лёд. Прямо заморозить хотели ребёнка.

Татарин. Надо подлить кипятку.

Александра Павловна. Подливают! Да разве скоро её нагреешь: купель такая, что взрослый утонуть может. А священник уже приехал, ждёт, так неловко. Вы же никуда далеко не уходите, Иван Петрович... А ребёнка вы не уроните?

Татарин. Постараюсь. (*В недоумении качает головой.*) Вот странно: член совета присяжных поверенных, и вдруг какой-то кум – это все ваши прихоти, Александра Павловна.

Александра Павловна. Молчите, молчите. (*Робко.*) Федечка, а ты не пойдёшь туда?

Федор Иванович. Нет. Не люблю. Я уже говорил.

Александра Павловна. Ну, пожалуйста, ну, голубчик! Я прошу тебя. Ведь это несколько минут, ты хоть в дверях постой.

Федор Иванович. Нет, нет. Да не огорчайся же ты, пожалуйста. Ведь это же невозможно, из-за каждого пустяка слезы, истерики.

Александра Павловна (*улыбаясь сквозь слезы*). Да я ничего, что ты? И какие у меня истерики, что ты говоришь? – Это я-то истеричка! Иван Петрович, послушайте... а вы танцевать будете? Куму необходимо танцевать.

Быстро входит Розенталь.

Розенталь. Александра Павловна, зовут!

Александра Павловна. Ах, Боже мой, сейчас, сейчас! Не скучай тут, Федя, пусть Розенталь побудет тобой.

Уходит, в дверях встречается с Анфисой. Очень осторожно обходит её, подбирая платье так, чтобы не коснуться.

Анфиса. Дайте мне воды, Катя.

Катя. Сами возьмите. Вон стоит.

Розенталь (*очень вежливо*). Вас также ждут, госпо-

дин Татаринов.

Татаринов (*строго смотрит на него и проходит*).
Помни же, Федя.

Федор Иванович. Анфиса, ты куда – посиди нами.

Розенталь. Верно, Анфиса Павловна, посидите-ка лучше с нами. Кстати, мне нужно устроить некоторый консилиум.

Анфиса (*улыбаясь*). Вы больны?

Розенталь. Опасно. Денег нет.

Все трое садятся на большой турецкий диван. Анфиса отодвигается несколько к краю.

Розенталь. Ты, Федор Иванович, как психолог, вы же, Анфиса Павловна, просто как умнейшая женщина – помогите мне вашим компетентным советом. (*Смотрит на лакея, внезапно.*) Постой, что это за рожа? (*Вскакивает и подходит к лакею.*) Алексей?

Федор Иванович (*тихо*). Анфиса!

Анфиса не отвечает.

Лакей. Так точно, Алексей.

Розенталь. Из Шато-Флери? Давно ушёл?

Лакей. Так точно-с, два года.

Розенталь. С тех пор не брился? Но какая память,

черт возьми. *(Радостно.)* Федя, ты узнал эту рожу? Ведь это Алексей, из Шато-Флери. Помнишь?

Федор Иванович. Нет.

Розенталь. Должно быть, проперли за пьянство, и фрак у него напрокат. Погоди, о чем я начал говорить, забыл?

Федор Иванович. Послушай, Андрей Иванович, будь друг, принеси мне папиросы из кабинета. Кажется, на столе оставил портсигар, а если нет, то посмотри в шкапу.

Розенталь. Знаю. Эх, и до чего же тебе нужно побриться, Алексей.

Уходит. Катя возится у стола и искоса поглядывает на тихо разговаривающих Федора Ивановича и Анфису.

Федор Иванович. Отчего ты так смотришь ни меня, Анфиса? Мне больно от твоего взгляда.

Анфиса. А как же мне иначе смотреть? Научи.

Федор Иванович. У меня тоска, Анфиса.

Анфиса *(равнодушно).* Да?

Федор Иванович. Ты не хочешь говорить со мной? Это нехорошо – почему ты так изменилась, Анфиса? Мне больно, у меня тоска, а ты оставляешь меня.

Анфиса. Я почти не вижу тебя. Ты совсем не быва-

ешь дома.

Федор Иванович. У меня много работы сейчас, ну, и... Ты больше не любишь меня, Анфиса?

Анфиса *(улыбаясь)*. А ты?

Федор Иванович. Со мной делается что-то странное. У меня уши точно заложены ватой... говорят, а я ничего не слышу. Что-то кривое забралось в мою жизнь. Третьего дня за пощёчину Ставровскому меня исключили из членов клуба. А скоро исключат, должно быть, из сословия. В карты играю, пью.

Анфиса. Напрасно.

Федор Иванович *(морщась)*. А тут этот Татариннов... Ах, нет ничего хуже порядочных людей! Ходит вокруг меня и со всех сторон конопатит, как дырявый дом, только и слышно, как деревянной колотушкой постукивает... Ты улыбаешься, напрасно. В том, что я говорю, смешного нет.

Анфиса. Мелко это, Федор Иванович... и мучительно.

Федор Иванович. Мелко? Прежде вы иначе думали, Анфиса Павловна. И зачем громкие слова? Скажи просто: злюсь, потому что люблю, а он не любит. *(Смеётся, потягивается и громко говорит.)* Ах, уехать бы отсюда!

Анфиса *(улыбаясь)*. Со мной?

Федор Иванович *(удивлённо)*. Как с тобой?

Анфиса. Да. Ведь я жду.

Федор Иванович. Ах, да! *(Улыбается.)* Все ещё ждёшь? Представь себе, я и забыл. Неужели ты это серьёзно – и так-таки и ждёшь?

Анфиса. Жду.

Федор Иванович. И думаешь, что я с тобой поеду? Куда же это, в Америку, на Сандвичевы острова?

Анфиса. Может быть, и поедешь.

Федор Иванович *(грубо)*. Нет. Никуда я с тобой, Анфиса, не поеду. *(Смеётся.)* Впрочем, подожди ещё год – может быть, тогда и поеду.

Анфиса *(также смеясь)*. Что ж, я бы и подождала. Но ведь – обманешь!

Молчание.

Федор Иванович *(раздражённо)*. Катя, перестаньте греметь посудой. И вообще ступайте отсюда. *(Катя уходит.)* Опять улыбаешься. Не нравится мне твоя улыбка – какую ещё ложь приготовила ты, Анфиса? Ну-ка, взгляни на меня! Глаза у тебя правдивее, чем рот. *(Смотрит и слегка отодвигается назад.)* Так, так! Ах, сколько в них ярости! И страдания. Ярости и страдания. Какое странное сочетание... Пстой! *(Схватываем руку Анфисы и наклоняется близко, почти к самым глазам.)*

Анфиса (*стараясь вырвать руку*). Пусти!

Федор Иванович. Нет!.. Я вспомнил, это было в лесу. Я придавил камнем змею, маленькую ядовитую змейку. Не знаю, зачем, из какого-то странного любопытства, я лёг на землю и приблизил свои глаза к её глазам... Вот так.

Анфиса. Пусти.

Федор Иванович (*удерживает*). Вот так. И смотрел, и говорил с нею, а она мне отвечала. Я, кажется, переломил ей спинной хребет.

Анфиса. Спинной хребет!

Федор Иванович. Да, да. Спинной хребет. И она умирала... как ты. И она хотела ужалить меня, но не могла... как ты. А я шутил с нею: посмотри, как хорошо в лесу, как голубеет небо, как камни горячи. Посмотри, как я близко к тебе, поцелуй меня ядом уст твоих – не можешь? (*Нежно.*) Ты умираешь, Анфиса?

Анфиса (*с трудом*). Нет.

Федор Иванович. У тебя переломлена спина. Ты умираешь? В серый туман уходят твои глаза... ты умираешь?

Анфиса (*выгибая шею*). Разбей мне голову. Я умираю.

Федор Иванович (*следуя своими глазами за её, тихо и нежно*). Нет. Ты ненавидишь меня, Анфиса? В твоих глазах загораются огни: зелёный, красный...

и ещё жёлтый... это безумие, Анфиса? Ты умираешь, да? Тебе очень больно, скажи! *(Крепко сжимает руку Анфисы, и та вскрикивает от боли. Федор Иванович слегка отталкивает её и смеётся. Входящему Розенталю.)* Послушай, Розенталь. Я уговорил Анфису Павловну остаться у нас ещё на один год. Ты рад?

Розенталь. Очень рад. Только не перебивай, а то опять забуду. Да, портсигара там нет, и папирос в шкапу нет...

Федор Иванович. Портсигар у меня.

Розенталь. Понимаю, просто продолжал дело при закрытых дверях. Но погоди, не сбивай. *(Садится и берет за руки Федора Ивановича и Анфису.)* Вот что, друзья мои, – какие у вас холодные руки! – я погибаю! Понимаешь: увечные дела, доверительские деньги...

Федор Иванович. Скверно! Быть тебе, Розенталь, в остроге.

Розенталь *(радостно)*. Ага! Я и говорю, что погибаю. И вот что я придумал в мои бессонные ночи...

Федор Иванович. Возьми у меня. Сколько рублей триста?

Розенталь. Двести. Нет. Никогда. Я беру только у врагов. И вот вы понимаете, друзья мои, понимаете теперь эту блестящую мысль, которая лучезарным светом озарила мои бессонные ночи. Кому я злейший враг, кто ненавидит меня до родовых схваток в желуд-

ке? – Татаринов. Ergo – у кого я должен взять взаймы? – у Татаринова. Во-первых, – как враг, он должен быть великодушен, и именно по-человечески, с открытой душой, я обращаюсь к его великодушию; во-вторых, – у этой вегетарианской жилы в банке на текущем счёту... ты знаешь, по ночам он ворует огурцы у соседей... Батюшки, кончили, идут. (*Тревожно.*) Федя, как ты думаешь, голубчик, даст он?

Входят Александра Павловна, Ниночка, гимназист Петя, какой-то молоденький адвокат, по виду помощник, и Татаринов. Последний широко и смущённо улыбается.

Александра Павловна. Федя, Федя, поди, голубчик, на минуту! Батюшка уезжает – нужно проститься. Как Алечка плакала, она совсем захлебнулась. А-а, ты здесь, Анфиса? О тебе все папаша справлялся.

Федор Иванович (*весело уходя*). Ну, идём, идём! Татаринов, да не сияй ты так нестерпимо!

Анфиса медленно выходит. Ниночка провожает её холодным и строгим взглядом.

Розенталь (*вслед Анфисе*). Шарлотта Кор-р-де!
Ниночка (*громко*). Она была – убийцей?

Татарин (*улыбаясь*). Как это я, право? Ужасно странное ощущение.

Ниночка. Но вы понимаете, что вы теперь мой кум, что вы уже никогда не можете на мне жениться...

Татарин (*все так же улыбаясь*). Да я и не собирался... Нет, действительно, ужасно странное ощущение: оно такое маленькое.

Петя. Вы держались молодцом, Иван Петрович.

Адвокат. Нужно отдать справедливость: вы с честью вышли из крайне затруднительного положения. Когда вы хотели взять младенца за ноги, я действительно несколько испугался.

Татарин. Ну вот, я и ног у него не видал.

Розенталь (*скромно*). Это было обходное движение.

Адвокат. Когда же, как прирождённый жонглер, вы с невероятной ловкостью обернули младенца вокруг пальца, достали его откуда-то из жилетного кармана...

Ниночка (*хохочет*). Но ведь правда: он чуть не уронил его.

Розенталь (*серьёзно*). Господа, господа, здесь решительно не над чем смеяться... Господин Татарин, могу ли я просить вас уделить мне несколько минут для короткого... профессионального разговора?

Татарин (*все ещё улыбаясь, но строго*). К ва-

шим услугам.

Отходят в сторону.

Розенталь. Господин Татаринов, я знаю, что вы мой враг и ненавидите меня до... крайности. И я знаю, что другой на вашем месте, менее дорожащий интересами гуманности, не обладающий, так сказать, широтой взгляда, – тот просто послал бы меня к черту. Но ваше великодушие, именно, как врага, обязывает вас, так сказать... Не дадите ли вы мне двести двадцать пять рублей ровно на две недели? Раньше я, к сожалению, не могу... Сегодня у нас пятница...

Татаринов. Четверг.

Розенталь. Конечно, четверг. Так вот...

Татаринов. Нет.

Розенталь *(с крайним удивлением)*. Но почему же?

Входят старики Аносовы и двое-трое гостей.

Аносов. Ну, слава Тебе Господи. И перекрести, и проводили, и никого не обидели. Кум-то где же? Ну и кум!

Розенталь. Но почему же?

Татаринов. Нет.

Розенталь. Вот странно... а я думал, ей-Богу, ду-

мал, что дадите.

Татарин. Нет.

Анос (*подходит и треплет Татаринову по плечу, отчего у последнего появляется широкая улыбка*). Ну, куманёк дорогой – выпьем за новорождённого. Только в другой раз не хватай ты так новорождённого, будто голодная собака кость. Дело его маленькое, и бери ты его спрехвала.

В столовую входят последние гости, приглашённые на крестины, – всего гостей помимо родственников человек десять – и с ними Федор Иванович, очень возбуждённый. Он часто и очень громко смеётся; потом замолкает и молчит глубоко, пока чья-нибудь шутка или вопрос снова не вызовет в нем припадка неестественной и даже злобной веселости.

Федор Иванович. Господа, прошу за стол! Впрочем, одну минуту терпения, я и позабыл: хозяйка и извиняется – она кормит девочку и сейчас придёт. Розенталь, выпьем мы с тобой сегодня или нет, как ты думаешь?

Розенталь (*мрачно*). Я думаю, что выпьем. (*Тихо.*) Наотрез отказал, подлец. Ну и враги у меня!

Федор Иванович. Где Ниночка? Я хочу сидеть с

нею. Отказал, ты говоришь? (*Внимательно смотрит на Розенталя.*) А знаешь, голубчик, я только сейчас почувствовал это: ты напрасно беспокоишься – к тебе необычайно пойдёт арестантский халат.

Розенталь (*обиженно*). Ну вот ещё – какие глупости!

Федор Иванович (*злобно настаивая*). Нет, серьёзно. (*Поворачивает его и смеётся.*) Удивительно пойдёт; как я раньше этого не заметил! Иван Петрович, знаешь, какое открытие я совершил: к Розенталю удивительно идёт...

Розенталь (*громко*). Федор Иванович, послушай. (*Умоляя.*) Ну, зачем ты кричишь? Ты это говоришь по дружбе, а они могут воспользоваться в своих интересах. Ты знаешь, сколько у меня врагов...

Татарин (*подходя*). Ты звал меня, Федор Иванович?

Федор Иванович (*удивлённо вглядывается в него и вдруг хохочет*). Но это же изумительно, голубчик ты мой, Иван Петрович, ведь если тебя одеть в этот костюм, так, ей-Богу, будет казаться, что ты так в нем родился.

Татарин. Какой костюм? Я и в этом себя достаточно хорошо чувствую, а вот как ты, Федор, не знаю, Розенталь (*удовлетворённо*). Ловко! Это, брат Федор Иванович, намёк, что значок-то у тебя... держится не

крепко!

В дверях движение. Ниночка и Анфиса, поддерживая с двух сторон под руки, ведут бабушку. Старуха одета парадно; идёт очень медленно, но в слабость её почему-то не верится, как и в её глухоту.

Федор Иванович (*испуганно*). Что это? Зачем это? Зачем её привели?

Весёлые голоса. А, бабушка! Смотрите – бабушка! Боже мой, до чего же она стара!

Аносов. Вот так удивила старушка! А вид имела, будто на веки вечные к креслу привинчена.

Федор Иванович. Зачем её привели? Что это за нелепость? Ниночка, поди сюда.

Ниночка. Сейчас, дядя.

Старушку усаживают на почётное место на конце стола. Места за столом ещё не заняты, и старуха некоторое время сидит одна; и на мгновение кажется, что все, кого она знала, кого любила, ненавидела и пережила, бесшумно занимают пустые места и вступают с ней в беседу.

Ниночка (*подходя*). Ты что, дядя Федя? (*С беспокойством.*) Отчего ты такой хмурый: тебе нездоровит-

ся?

Федор Иванович. Зачем вы привели её сюда? Я же говорил, чтобы её никуда не смели пускать из её комнаты!

Ниночка (*удивлённо*). Ты про бабушку? Ну, что ты, дядя Федя, ты никогда этого не говорил.

Федор Иванович. А Анфиса?

Ниночка. Что Анфиса? Анфиса и сказала, что бабушку нужно привести сюда, что это необходимо. И Саша тоже сказала – я тебя не понимаю.

Федор Иванович (*насмешливо*). А ты?

Ниночка (*робко*). За что ты сердишься, дядя Федя? Ведь и на Верочкиных крестинах бабушка тоже приходила и сидела с нами целый вечер.

Федор Иванович (*недоверчиво*). Разве? Может быть. Я и позабыл. А все-таки, Нина, от тебя этого я не ожидал. Впрочем... (*Смеётся.*) Господа, за стол. Хозяйка сейчас придёт. И нельзя же старушку оставлять одну среди пустых стульев, на которых может усесться... черт знает кто. Скорее занимайте места. Нина, ты со мною сядешь. (*Тревожно заглядывая ей в глаза.*) Ты мой друг, Нина?

Ниночка (*пугаясь и почти плача*). Что с тобой? Конечно, я твой друг.

Федор Иванович. Вздор!.. У меня нет друзей!.. Папаша, пожалуйста, что же вы? Татаринов, ты со мною!

Розенталь. А я с вами, Анфиса Павловна. Вашу руку! Вы слышали: отказал, подлец, наотрез. Что это вы такая мрачная?

Анфиса (*улыбаясь*). Нет, я весёлая.

Розенталь. Ну, и слава Богу. Федька зол, как черт, и я...

Все весело рассаживаются. Анфиса с Розенталем садятся почти напротив Федора Ивановича.

Шум. Входит Александра Павловна. Её радостно приветствуют, пьют за её здоровье.

Федор Иванович. А мы опять с тобой, Анфиса, Ты снова улыбаешься.

Анфиса. Да, опять с тобой. Я люблю смотреть на тебя, когда ты весел... как сегодня.

Федор Иванович. Это ты привела старуху?

Взрыв смеха покрывает его дальнейшие слова.

Розенталь (*лакею*). Алексей, помнишь Шато-Флери?

Лакей. Как же-с!

Розенталь. Помнишь, как мы там... а?

Татаринов. Александра Павловна, надо мною все смеются. Это ваша вина.

Александра Павловна (*улыбаясь слабо*). Вы были очаровательны.

Аносов. А это не порядок, дочка: тебе нынче следовало бы рядом с мужем посидеть. Конечно, дело твоё хозяйское...

Александра Павловна. Там занято.

Татаринов и Ниночка делают нерешительные попытки уступить ей своё место.

Федор Иванович. Ни с места. Ей и там хорошо, – верно, Саша? Анфиса, твоё здоровье! Господа! Позвольте вам предложить выпить за здоровье моего лучшего и самого верного друга... Анфисы Павловны.

Все пьют, чокаются с Анфисой, но с некоторым холодом и недоверием. Анфиса очень серьёзно поднимает бокал и только раз слегка улыбается – это когда Ниночка резко, с нескрываемой враждой отдёргивает свою рюмку. Федор Иванович замечает это, пренебрежительно треплет Ниночку по плечу, смеётся.

Татаринов. Хотя я с удовольствием выпил за здоровье Анфисы Павловны, которую высоко ценю и уважаю, но я хотел бы предложить более соответствующую

щий случай тост. Господа!..

Розенталь. Федя, Федор Иванович, что же это такое? Я ещё и рюмки как следует не выпил, а господин Татаринов затягивает уже речь. Конечно, когда красноречие рвётся наружу...

Федор Иванович. Верно. Потерпи немного, Иван Петрович, и собери силы. Ты что это, содовую пьёшь? Знаешь, в этом есть что-то такое отвратительное, что лучше бы ты пил человеческую кровь.

Татаринов. Скажи, пожалуйста, какой... Нерон.

Смех.

Петя (*слегка выпивший*). Какой великий артист погибает!

Розенталь (*с пафосом*). Федя, нужно уважать чужие убеждения. Господин Татаринов – вегетарианец. (*Нагло хохочет.*) Петя. Вегетарианство – лицемерие! За ваше здоровье Нина Павловна!

Татаринов (*возмущённо*). Федор Иванович, если вы не уважаете законов гостеприимства, то...

Федор Иванович (*брезгливо*). Оставьте! Я же знаю, что ты мученик и постоянно страдаешь расстройством желудка, но убеждений не продаёшь.

Розенталь. Вот ещё! Да я и копейки не дам за такие убеждения. Куда их потом девать, их моль съест.

Федор Иванович. Береги носовой платок, Анфиса. Розенталь, правда, что на твоих платках разные метки?

Анфиса (*презрительно*). Не обращайтесь внимания, Андрей Иванович, это – шутка.

Розенталь. И очень глупая. Ваше здоровье!

Аносова. А ты уж третью рюмку пьёшь, старик. Эка разгулялся!

Аносов. И четвёртую выпью. Феденька, слышишь, а мы с тобой поровнялись теперь: у меня три дочери и у тебя три. Скажи, какая...

Розенталь. Игра природы!

Аносов. Ну, игра не игра, на все Божья воля, господин Розенталь. Только вот в чем теперь недоумение: какие дочери будут лучше – твои или мои?

Федор Иванович (*с явной насмешкой*). Ваши, несомненно, лучше. Одна – красавица. Не смущайся, Саша, ведь это же правда. Другая (*смотрит на Анфису Павловну*), другая... красавицей я бы её не назвал – ты не обижаешься, Анфиса? – другая... умна, тверда, правдива.

Анфиса. Не довольно ли, Федор Иванович?

Федор Иванович. Нет, ещё не довольно, Анфиса Павловна, Аносова. Довольно, довольно. Ты такое, Феденька, говоришь, что при посторонних даже неловко. Похвалил, ну и будет. А то уж и нам, родите-

лям, некуда глаз девать.

Татаринов. Кстати, господа, раз зашла речь о детях. (*Встаёт.*) Господа! Сегодня я имел честь в качестве духовного отца держать на своих руках маленькое существо, которое было девочкой...

Розенталь. Я думаю, и осталось.

Татаринов. Господа! Может быть, я действительно был плохой кум и скверно держал младенца, но, ей-Богу, поверьте мне: я чувствовал такой трепет, что мог бы и совсем его уронить. Ей-Богу! Я думал, вот сейчас прижимаю я к моему фраку маленькую девочку, такую маленькую, что даже и тяжести она имеет, – а что будет с нею, когда она вырастет? И так грустно мне стало, ей-Богу! Вот сейчас крестят, приобщают её как бы к некоему великому движению человеческой совести, а вырастет она, и станут её обижать. И кто же? Мы, те самые мужчины, которые её крестили и, стало быть, куда-то душу её звали.

Насмешливые аплодисменты.

Аносова. Верно, батюшка, – обижают.

Аносов. Ну, уж ты-то молчи! Подумаешь, обиженная!

Федор Иванович. А ведь это, Иван Петрович, действительно идея: девочек крестить не надо.

Татаринов. Да я не о том, ты неверно меня понял.

Федор Иванович. Нет, это ты сам не понял, что ты сказал.

Розенталь. Это у него часто бывает.

Федор Иванович. Оставь шутовство, Розенталь! Ты именно это и сказал; это и есть смысл всей твоей великолепной речи: девочек крестить не надо.

Аносова. Скажи, какая немилость. Что ж мы, насекомые, что ли? Да насекомую и ту...

Федор Иванович. Если мы, мужчины, бываем скотами, то мы же бываем и людьми и творим Бога. А у женщин нет Бога, и все женщины, плохие и хорошие, если кому угодно допускать это различие, – я его не знаю, – все женщины вне религии. И крестить женщину – бессмыслица, злая шутка над нею же самой!

Голоса (*возмущённо*). Неправда! Какой вздор! А мученицы?

Адвокат. За Магометом первая пошла его жена.

Аносова. Ну, за Мухаметом, тоже сказать. Один другого лучше!

Петя. Ренан говорит, что женщины создали Христа.

Федор Иванович. Вздор! В христианстве, как и во всем, они выели, выгрызли его идеалистическое ядро и оставили только скорлупу. Не обманывайтесь, господа. В самом христианстве женщины остались язычницами и останутся ими навсегда.

Адвокат. Язычество тоже религия.

Ниночка. А мученицы, дядя? Ведь это неправда, они умирали за Христа.

Федор Иванович. Но не за христианство. Все это Ложь, Ниночка.

Анфиса (бледнея). Вы распинаете женщину, Федор Иванович.

Федор Иванович. А сами висим по бокам, как разбойники, не так ли? Справедливое распределение ролей! Господа, послушайте, какую трогательную картину изобразила нам Анфиса Павловна...

Голоса. Довольно! Довольно!

Анфиса. Я прошу вас не касаться меня, Федор Иванович. Это плоско!

Голос Анфисы настолько резок, что все смолкают.

Федор Иванович. Что вы изволили сказать, Анфиса Павловна?

Анфиса. Я говорю, чтобы вы не смели касаться меня, Федор Иванович.

Федор Иванович (разваливаясь). А если посмею и коснусь?

Анфиса. То... вот вам. *(Бросает рюмку в лицо Костомарову.)* Подлец! Подлец! Подлец!

Смятение. Многие выскакивают из-за стола. Только бабушка неподвижна и по виду совершенно безучастна.

Федор Иванович (*медленно вставая и салфеткой лицо*). Вы с ума сошли.

Аносова. Ай, батюшки, что же это такое!

Аносов (*кричит*). Да ты что же это в самом деле, а? Ты с ума сошла? Тебе шутки шутят, а ты...

Анфиса (*топая ногой*). Молчите, папаша!

Александра Павловна. Оставьте, не трогайте её.

Аносов. Нет, не оставлю! Ей шутки шутят. Вон, вон отсюда, неблагодарная! Ей приют дали, приютили её...

Анфиса. Ах, да замолчите же, панаша! Разве вы не знаете... Господи, ведь это же все знают, что я любовница, любовница вот этого. Любовница, и женщина, хуже уличной девки... вот, вот я...

Катя роняет тарелку и с громким плачем убегает.

Александра Павловна (*кричит*). Это неправда! Она лжёт, мерзавка! Это она хотела, Федор Иванович, Федор Иванович... Смятение растёт. Старик Аносов

ничего не понимает, задыхается, голова его дрожит.

Аносов. Чья любовница? Нет, ты прямо скажи! Ах, ты! Федька, заткни ей рот.

Аносова (*плачет*). Жена она тебе или нет?

Анфиса. Его спросите! Ах, бесчестный же ты человек!

Федор Иванович. Ну да, это правда. Перестаньте папаша! (*К Анфисе.*) А ты... уходи вон.

Анфиса. Я? Отсюда? Это мне ты говоришь, ты, бесчестный человек? Нет, ты уходи вон. Это мой дом. Я слезами купила его, я горькой мукой его купила. Я кровь тут пролила. Это мой дом! Я плакать здесь останусь. Я на колени стану перед сестрой, перед всеми, кто презирает меня, кто ненавидит. Ах, убейте же вы меня. Я больше не могу. Саша, Саша...

Александра Павловна. Вон отсюда. Проклятая!

Ниночка. Вели ей замолчать, дядя Федя.

Федор Иванович (*не глядя, отстраняет Ниночку, смотрит на Анфису*). Так вот ты как? Ну, ну! Не мешай, Нина.

Аносов (*неразборчиво*). Дожил. Дожил... каждую копейку... Федька же ты, Федька!..

Розенталь (*суёт Анфисе стакан с водой*). Водички, водички, Анфиса Павловна. Это ничего, ну их к черту.

Анфиса. Саша... Саша... Ах, ну что такое я, ну что

такое я? (*Разводит руками.*) Господа, раздавленная змея. Спину ей переломили, она умирает, да. А вот, а вот вы на него посмотрите! Ведь он же эту девчонку, эту девчонку... любовницей...

Федор Иванович (*громко*). Неправда! Неправда, Анфиса.

Анос (*бестолково хватая за руки дочерей и толкая к двери*). Молчи, Федька! Домой, домой. Чтобы ни минуты... в этом проклятом доме... Сашка, иди!..

Александра Павловна (*упираясь*). Не пойду! Это неправда! Она все выдумывает.

Анос (*топая обеими ногами*). Сашка, проклянущу! Сашка, проклянущу!

Большинство гостей уходит. От Анфисы все отодвинулись, и она стоит одна, закрывая лицо руками.

Розенталь (*не зная, что делать*). Анфиса Павловна, Анфиса Павловна.

Анфиса. Стыдно. Стыдно. Стыдно.

Ниночка плачет, её уводит из комнаты гимназист Петя.

Петя (*оборачиваясь, возмущённо*). Это черт знает что такое! Вы мне ответите... Негодяй!

Федор Иванович (*борясь со слезами*). И мне стыдно. И мне стыдно, Анфиса, голубчик ты мой. Ну, что ж я стою, а? Что же я стою? Ах, чтобы черт вас всех побрал – вон отсюда! Вон! Чтобы духу вашего не пахло. Эй, ты, старая калоша, забирай своих, вон!

Аносов. Что? Ты меня? Ах ты, сукин сын!..

Татарин. Федор Иванович...

Федор Иванович. А-а вы, друзья? Не искушай меня, Иван Петрович. Христом Богом прошу – уходи.

Быстро идёт к Анфисе и крепко обнимает её.

Федор Иванович. Анфиса!

Анфиса. Как ты смеешь? Оставь, я ударю тебя.

Федор Иванович. Ах нет, Анфиса! Смотри, я их выгнал вон, смотри. Этот дом – твой, Анфиса! Чтоб черт их всех побрал! Анфиса!

Анфиса. Ты лжёшь, ты издеваешься надо мною.

Аносов. Что, что, что, это нас-то? Сашка, Нинка... О Господи, матушки мои! Ох, до чего же я дожил!

Федор Иванович. Это твой дом! А если ты выго- нишь меня, я... я у порога лягу, я от двери не отойду, я в окна стучать буду – открой, Анфиса! Разве ты не видишь – раскрылась душа моя! Прости меня!

Анфиса (*слабо защищаясь*). Боже мой, Боже мой, что ты делаешь со мною... Уйди от меня, пожалей меня, Федя!

Федор Иванович обнимает её, целует и что-то шепчет.

Александра Павловна. Целует! Мамочка моя, мамочка, целует!

Аносова. И пусть, и пусть, и пусть.

Аносов. Живо, сию минуту... за извозчиком... Сашка, бери детей... ни минуты... Тьфу!.. Прокормлю... старик... опять в долги залезу... Господа кредиторы, войдите в положение.

Татаринов. Идёмте, Александра Павловна.

Александра Павловна. Нет. Умру.

Розенталь (*Татаринову*). Она его рюмкой в лицо, а он нас выгоняет! Психология! До свидания, Федя... (*Тихо.*) Ну, а близко не подойду. Укусишь! Психология! (*Окончательно развеселясь.*) Великолепный скандал! Только теперь, наверно, калоши переменяли. (*Радостно хохочет.*) Мне при каждом скандале калоши меняют!

Уходит. Старик Аносов, вопя и плюясь, выталкивает в дверь сперва жену, а потом Александру Пав-

ловну.

Анос (*оборачиваясь из двери*). Ты мне ответишь за это. Губернатору... Ах ты, сукин сын, сукин сын! Тьфу!

Все ушли. Остаются только Федор Иванович с Анфисой да бабушка, которая продолжает сидеть неподвижно за опустевшим столом.

Анфиса. Уедем отсюда.

Федор Иванович. Да, уедем. Но что было с нами, Анфиса? Ты понимаешь это? Прости меня, если можешь.

Анфиса (*тихо плача*). А ты... пожалей меня, если можешь, пожалей. Я одна, Федечка, и нет у меня заступников, кроме тебя.

Федор Иванович. Ах, как стыдно! Боже мой, как стыдно! Что было со мной, где было сердце, где были глаза мои?

Анфиса. Мне страшно, Федя. Не нужно сегодня спать! Ты заснёшь и опять все забудешь.

Федор Иванович. Нет. Все стало другим. Посмотри, как чисто, как светло, Анфиса! (*Видит старуху и пугается.*) Анфиса, смотри, смотри! Это она, старуха! Зачем она здесь, сейчас? Я же всех выгнал вон!

Занавес

Действие четвёртое

Поздний вечер. Кабинет Федора Ивановича. На следующий день Федор Иванович и Анфиса уезжают, и в комнате полный беспорядок. Из письменного стола вынуты некоторые ящики с бумагами и стоят на кресле, на шкапу. Целая груда дел в синих обложках лежит на столе. Кое-где на креслах валяется платье Федора Ивановича, приготовленное для укладки; тут же на полу раскрытый чемодан.

За столом разбирается в бумагах Татаринов, которому Федор Иванович, уезжая, сдаёт все свои дела. Сам Федор Иванович медленно прохаживается по комнате и временами, остановившись, прислушивается к музыке – это в соседней тёмной комнате играет Анфиса Музыка очень печальна.

Татаринов. А доверенность где?

Федор Иванович. Какая доверенность?

Татаринов. Кузнецовская.

Федор Иванович. Да там же, в деле.

Татаринов. В деле нет.

Федор Иванович. Ну, значит, в столе. Посмотри в левом ящике.

Молчание.

Татаринов. Нашёл. Она у тебя среди писем.

Федор Иванович (*равнодушно*). Ага!

Татаринов. А копии с постановления суда так-таки и нет? Федор Иванович, ты мне оказываешь большую честь, передавая мне все твои дела, но в таком беспорядке я принять их не могу.

Федор Иванович. Завтра найдём.

Татаринов. Как член совета, делаю тебе замечание.

Федор Иванович. Не сердись. Это я за последнее время запустил... Скажи ещё спасибо, что не спился твой Федор Иванович! Постой! (*Останавливается и прислушивается.*) Что она играет? Песню без слов? Да, да, песню без слов. Послушай, Иван Петрович: неужели музыка тебе не мешает? Как ты можешь слушать то, что играет Анфиса, и копаться в бумагах? Станный ты человек! Когда всю эту дневную суету, наши нудные разговоры, дребезжанье извозчичьих колёс, шарканье по полу сапог – прорезает аккорд или отрывок мелодии, даже взятый неумелыми детскими руками, он сразу и решительно отрывает меня от земли. Как бы тебе это сказать? Как будто все остальное, и я сам, и вся моя жизнь – только нарочно, а правда и вечность, и я настоящий – здесь, в звуках.

Татаринов. Рядом со мной, Федя, в номерах живёт музыкантша. Так если бы я при каждом аккорде отрешался от земли, меня давно бы из сословия попёрли.

Федор Иванович. Помнишь мою речь по делу Казариновой? Как тогда плакали все?

Татаринов (*с гордостью*). Прокурор плакал!

Федор Иванович. Да, прокурор плакал. А знаешь, все это отчего? Оттого что как раз в середине моей речи на дворе под окном заиграла шарманка. А когда я услышал её, мне вдруг стало жаль эту женщину, и таким откровением встала передо мною вся её печальная жизнь... (*Останавливается.*) Что она играет? Без слов, без слов, все она без слов. (*Мрачно.*) Ты знаешь, она сегодня целый день молчит.

Татаринов (*коротко*). Волнуется. Ты бы её, Федя, как-нибудь... того... пожалел. (*Многозначительно.*) Не нравится мне все это. Не вижу я в этом – дела. Едет человек, а куда, а зачем – сам хорошенько не знает.

Федор Иванович. Едет. (*Радостно смеётся.*) Да, да, едет! Ах, голубчик Иван Петрович, спасибо, что напомнил. Ты не смотри, что я весь вечер как будто невесел, – сегодня утром я прыгал по дому как мальчишка. Анфиса куда-то ушла, бабу, старого черта, я запер на ключ – ведь во всем доме нас только трое, прислуга и та разбежалась – и был свободен, радо-

стен и счастлив, как никогда ещё в жизни. Даже озорничал, честное слово! Взял и за каким-то чёртом разбил статуэтку. (*Конфузливо смеётся.*) Потом осколком бросил в прохожего. Черт знает что!

Татарин (*со вздохом*). Ненадёжный ты человек.

Федор Иванович. Оставь! Но вот что странно: заглянул я в детскую с некоторым даже желанием расчувствоваться, пролить слезу воспоминаний – и ничего. Понимаешь: смотрю на пустые кровати – и ничего! Милые они девочки, и я их люблю, но... зачем я им нужен? Станный ты человек, Иван Петрович. Отчего ты не женишься?

Татарин. Время прошло.

В соседней комнате молчание.

Федор Иванович. Сегодня она весь день молчит. Ты любишь сумерки, Иван Петрович?

Татарин. Не мешай. Сейчас кончу.

Федор Иванович. Прежде я любил сумерки. Но сегодня... мне вдруг так жалко стало уходящего солнца, что захотелось бежать за ним, бежать, бежать, чтобы только не выходить из-под его света. Оно заходило, а с другой стороны – сегодня, кажется, я увидел её лицо – встала ночь. И ещё далеко была она, а тут... вдруг потемнело под диваном. Вдруг расплылась дверь, как

будто ночь прошла сквозь неё. Вдруг пропали часы и стрелки на циферблате... Не люблю я нашего дома, Иван Петрович. Сегодня он пустой, как гроб, который ищет своего покойника.

Татаринов. Ну и сравнение! Сам всех разогнал, а теперь жалуешься.

Анфиса снова играет.

Федор Иванович (*быстро ходит*). Завтра, значит, еду в Петербург.

Татаринов. Петербург, Петербург... а что ты будешь делать в Петербурге, хотел бы я знать?

Федор Иванович. Работать. На два года откажусь от практики и буду только работать. Это только вы, друзья, думаете обо мне, что я лентяй. А я умею работать, как никто из вас. И вот когда я научусь, сброшу с себя этот несчастный провинциализм, жалкое адвокатское фразёрство... я возьму большой уголовный процесс. Пусть это будет о любви, о ревности, о чьей-то страшной смерти, о чьей-то печальной и тёмной душе. (*Закрывая уши.*) Ах, она мне мешает! Ты понимаешь, Иван Петрович, что это значит: взять в руки человеческий слух, взять в руки его строптивую душу, его пугливую и недоверчивую совесть, взять его чувство красоты, великое чувство, которое одно являет-

ся источником всех религий, всех революций и переворотов – и над всем этим утвердить своё я, свою волю и царственную мысль. *(Смеётся.)* Кто это сказал: пусть ненавидят, но покоряются?

Татаринов. Какой-нибудь генерал.

Федор Иванович. Не понимаешь ты этого, Иван Петрович. А я вот помню и не забуду, как тогда после этих криков: вон, после всей этой ненависти и даже отвращения, которые я вызвал, присяжные заседатели все-таки вынесли оправдательный вердикт! Помню, с какой ненавистью глядел на меня старшина и как сквозь зубы прочёл: «Нет, не виновен...» Ах, она мне мешает!

Татаринов. Вот и ещё квитанции нету. Деньги внесены в казначейство, а квитанции нету. И потом, раз уж зашла об этом речь, я должен открыть тебе глаза на Розенталя.

Федор Иванович. Ну, что ещё? Бог тебя знает, Иван Петрович, хоть бы ты курил... Попробуй! Отчего ты не женишься, на самом деле?

Татаринов. Я говорю серьёзно, Федор Иванович. Теперь ты уезжаешь, и я должен тебе это сказать. Ты знаешь, что рассказывает этот Розенталь? Во-первых, он рассказывает, что вчера тесть наплевал тебе в лицо, а ты ему за это полбороды вырвал.

Федор Иванович. Осел!

Татаринов. А во-вторых... Ты помнишь эту сплетню относительно петуховских капиталов? Ну, купчихи этой? Ты тогда рвал и метал, как бешеный. Как это...

Федор Иванович. Неужели Розенталь? Вот негодай! Зачем ты раньше не сказал об этом?

Татаринов. Скандала не хотел. Ну, вот и конец. Но только, Федя, завтра утром я опять приеду к тебе, ещё часа на два работы осталось. *(Конфузливо.)* Что ты так смотришь на меня? Понравился я тебе?

Федор Иванович. Милый. Ну, отнесись ты к словам моим, как к словам друга, отбрось своё дурацкое самолюбие – возьми ты, наконец, у меня денег.

Татаринов *(краснея)*. Нет, нет, и не говори!

Федор Иванович *(нежно)*. Ведь ты же ничего не ешь, чудак, ведь ты же арбузными корками питаешься. Ну, голубчик, ну, пожалуйста! Обрадуй меня, ведь у меня же деньги шальные – ты знаешь!

Татаринов *(краснея ещё больше)*. Ем я хорошо, это твой Розенталь врёт. Нет, нет, нет, Федор Иванович, ты и не говори мне. Уйду и никогда больше не приду, хоть ты здесь умирай. Я на днях такое дело выиграл...

Федор Иванович *(смеётся)*. Ну, и врешь же ты!.. Ну, ладно. Только не забудь, что в случае нужды... Больше не могу! *(Подходит к тёмной двери гостиной и говорит довольно резко.)* Анфиса! Сыграй, по-

жалуйста, что-нибудь другое. *(С неудовольствием.)*
Ты точно хоронишь кого-то!

Молчание. Входит Анфиса, несколько бледная от темноты, и молча целует Федора Ивановича.

Федор Иванович. Ну, что, голубчик? Не хочешь играть? Ты что такая бледная, и глаза опять как будто подведены? Тебе нехорошо?

Анфиса. Нет, хорошо. Вы скоро кончите?

Татаринов. Кончаем.

Федор Иванович. Посиди со мною, Анфиса. И руки тебя холодные. *(С неудовольствием.)* Не люблю я холодных рук! Ну, что ты так смотришь? Это нехорошо, Анфиса. Тебе нужно радоваться, а ты и у меня радость отнимаешь.

Анфиса. Нет, я радуюсь. Зачем сегодня приходила Ниночка?

Федор Иванович. С запиской от жены, то есть от Саши. Я Ниночки не видал, мне кучер записку передал. Пишет, чтобы я не оставлял её. Странная у тебя сестра, Анфиса.

Анфиса. Саша очень несчастна.

Федор Иванович *(с неудовольствием)*. Ну, конечно, несчастна. Все вы несчастны, когда мужчина уходит от вас. Ну, ну, не сердись! *(Целует.)* Я шучу.

Анфиса. От твоих шуток бывает больно. Иногда они похожи на правду... Ведь ты же сам радуешься, когда принимают за правду.

Федор Иванович (*смеясь*). Какие пустяки! Ты не веришь мне?

Анфиса гладит его волосы и молчит.

Федор Иванович. Ну? Не веришь?

Анфиса (*улыбаясь*). Зачем ты спрашиваешь? Ведь ты же любишь иногда, чтобы тебе не верили.

Федор Иванович (*улыбаясь*). Как ты меня узнала!

Анфиса (*грустно, с какой-то странной покорностью*). Я ничего не знаю. (*Улыбаясь, все с той же покорно перед чем-то непреложным и страшно печальным.*) Ведь я только сейчас заметила, что ты борю подстригаешь. Я думала, что она такая...

Федор Иванович (*улыбаясь*). От природы?

Татарин. И так, значит, чтобы не забыть: два билета первого класса, купе, до Петербурга. Для курящих, конечно. Верно? (*Собирает бумаги.*) Ну, а затем... измучился я, как лошадь, в твоих авгиевых конюшнях.

Анфиса. Неужели мы действительно поедем?

Федор Иванович. Ты уложила вещи?

Анфиса (*удивлённо*). Нет. Когда поезд, Иван Пет-

рович?

Татаринов. Ровно в два. Вы это напрасно не укладывались, вам нужно торопиться.

Анфиса. Да, да, я уложу. Что ты так смотришь на меня, Федя? Ты улыбаешься или нет? *(Тихо.)* Ну, что ты, голубчик, ты думаешь о чем-нибудь нехорошем?

Федор Иванович *(медленно)*. Размышляю.

Анфиса. О чем?

Федор Иванович. О вчерашнем. Не ошиблись ли мы с тобой, Анфиса? Вчера я был в каком-то угаре и плохо помню, что говорил. Но сегодня я вглядываюсь трезво и вижу: мы ошиблись, Анфиса. Ведь, в сущности, ничего не изменилось. Твой вчерашний порыв...

Анфиса. Федя, не надо! Федя, Бога ради, не надо!

Федор Иванович. Твой вчерашний порыв – случайность, одна из тех красивых случайностей, которые бывают у женщин. А сегодня ты увидела меня ясно, поняла, что я... в сущности, не люблю тебя... Ну, что ж ты не смеёшься, Анфиса? *(Хватает её за руки.)* Что же ты не смеёшься, Анфиса, ведь я же шучу!

Татаринов. Конец.

Анфиса *(вставая)*. Что, какой конец? Федя, не надо! Я умоляю тебя, не надо. Если б ты знал, что ты делаешь мною! *(Вздрагивает.)*

Федор Иванович *(резко)*. Ведь я же шучу!

Анфиса. Да, да, но, Бога ради, не надо! Бога ради,

Федя!

Татаринов деликатно отходит к окну.

Федор Иванович (*гневно*). Это не правда, что мне нужно недоверие! Мне нужна вера, и ты оскорбляешь меня недоверием. Сказать правду в лицо – это только половина; нужно ещё суметь поверить, широко поверить, великодушно поверить, как верит мужчина.

Анфиса (*в страхе прячется к нему на грудь*). Ах, Федя, если бы ты знал, что ты делаешь со мною! Ах, если бы Господь открыл твои глаза – ты не стал бы так говорить со мною. Ой, спрячь меня!

Федор Иванович (*тревожно и ласково*). Ну, что ты, ну, что ты? Ну, спрячься, спрячься... Беспокойная ты душа. (Целует в голову.) Это я твои мысли, твоё беспокойство целую.

Звонок.

Федор Иванович. Это ещё кто пожаловал? Мне даже как-то странно, что ко мне – звонятся. Надо было и звонки обрезать.

Анфиса (*беспокойно*). Федя, не принимай, пожалуйста. Я тебя прошу.

Федор Иванович (*подозрительно*). Это ещё поче-

му? Иван Петрович, будь друг, открой дверь: мне самому не хочется, мало ли там кто может быть.

Татаринов выходит.

Федор Иванович. Почему ты не хочешь, чтобы я кого-нибудь принимал? Ты боишься чего-нибудь?

Анфиса. Нет. Да. Боюсь.

Федор Иванович (*хмуро улыбаясь*). Странный у нас вечер!.. А, господин Розенталь!

Анфиса (*радостно*). Андрей Иванович!

Розенталь быстро идёт к Анфисе Павловне, Татаринов угрюмо шагает до своего места.

Федор Иванович (*Татаринову*). Зачем ты пропустил его?

Татаринов. Прошёл.

Розенталь. Все ещё злишься? Как глупо. Вашу ручку, Анфиса Павловна. Как вы себя чувствуете после вчерашней передряги? Но вы молодец. Ей Богу, молодец. Я вчера залюбовался вами!

Федор Иванович. Напрасно ты даёшь руку, Анфиса. Розенталь, уходите, пожалуйста, или я вас вытолкаю в шею.

Розенталь. Что? Нет, это ты серьёзно? Ты с ума

сошёл, Федор Иванович. Ну, вчера, в раздражении, я ещё понимаю, ну, а сегодня? И что я тебе сделал такое, скажи, пожалуйста, – ты действительно сошёл с ума. Я, наконец, требую, Федор Иванович, объясни ты мне.

Федор Иванович (*брезгливо*). Это вы распустили про меня сплетни относительно петуховских капиталов?

Розенталь. Ах, это? Ну я. Господи! Неужели же ты, Федя, умный человек, не понимаешь той простой истины, что если здесь ничего не соврать – так завтра же нужно удавиться или перейти в вегетарианство. Черт тебя знает, Федор, большой ты человек, а обращаешь внимание на пустяки, на недостойную мелочь. А вот что я тебя люблю, что я у тебя (*сквозь слезы*) ни разу ни копейки... не взял, ты этого не видишь. Нехорошо, Федя, Господь с тобой!

Анфиса (*тихо Федору Ивановичу*). Ну, оставь его, Федя, ведь он не злой.

Федор Иванович (*так же тихо*). Ты ему рада? А знаешь, что мне неприятнее всего? Это то, что он похвалил тебя. (*Розенталю*.) Ну, ну, ладно. Только все-таки уходи, пожалуйста: я сегодня устал, и вообще я не в настроении.

Розенталь. Ну, вот это другой разговор. Я с наслаждением ухожу. Значит, завтра с курьерским?

Анфиса. Да, кажется.

Розенталь (*хватается за голову*). Ну и букет же я вам привезу! Ты знаешь, денег я достал. Ну и букет же я вам привезу!

Федор Иванович. Это ещё зачем? Пожалуйста, не надо.

Розенталь. Хочешь удрать потихоньку? Нехорошо, Федя, лицемерить, от тебя я этого не ожидал. Да ведь я и не тебе привезу, а вот этой... храброй... мужественной (*целует руку*) героине!

Федор Иванович (*брезгливо*). Ну, довольно, оставь.

Розенталь. Пожалуйста, не строй таких разбойничьих рож. Все это у тебя оттого, что ты ешь мясное. Взгляни на Татаринава! До свидания, Анфиса Павловна. (*Уходит.*)

Татарин (*вставая, возмущённо*). Такая бесхарактерность, Федор Иванович, обязывает меня...

Федор Иванович (*морщась*). Ах, какая гадость! Побыл человек одну минуту, а стало так скучно, что ничего уж не хочется, и ехать не хочется, и чувствовать не хочется, Анфиса, зачем ты позволила поцеловать руку?

Анфиса. Но ведь это просто вежливость.

Федор Иванович. Вежливость, вежливость. Скучно с тобой, Анфиса.

Татаринов (*примириительно*). Ну, ну, не сердись, голубчик, не стоит! Ты просто устал – вы дайте ему хорошенько отдохнуть, Анфиса Павловна. Стало быть, завтра в одиннадцать, – раньше ты не встанешь. Прощайте, Анфиса Павловна.

Федор Иванович. Прощай, голубчик. Спасибо тебе...

Татаринов. Ну, ну!.. (*У дверей тихо.*) Вот что, Федор Иванович, не покажется тебе сентиментальностью, если я тебя того... ну, как это – поцелую? Ты скажи по правде.

Целуются.

Татаринов (*извиняясь*). Беспокойно мне что-то, Федя. Но только ты... будь благороден, Федя. А?

Федор Иванович (*мягко*). Постараюсь, Иван Петрович.

Татаринов. Ну вот, спасибо. А то все как-то беспокойно. Прощай!

Уходит. Федор Иванович, осматриваясь, ходит по комнате.

Федор Иванович. Одни.

Анфиса молчит.

Федор Иванович. Который час? Устал я. *(Звонит.)*

Анфиса. Кати нет.

Федор Иванович. Ах, да, я и забыл. Кто же в доме – ты, я и старуха? Приятный дом. Не можешь ли ты принести мне ликёру, Анфиса, он где-то там... Впрочем, погоди. Отчего ты все молчишь? Ты любишь меня, Анфиса?

Анфиса *(улыбаясь)*. Нет.

Федор Иванович. Нет, нет, не шути! Ты засмеялась, и мне стало неловко: ведь я тебя не знаю. Ты понимаешь этот ужас: я тебя целую, обнимаю, говорю – и совершенно не знаю. Такая ты или другая *(разводит руками)* – не знаю.

Анфиса. Ты меня видишь.

Федор Иванович. Да. Но и вижу-то словно впервые. Как странно: ты никогда не завиваешься, Анфиса?

Анфиса *(улыбаясь)*. Нет. А ты всегда подстригаешь бороду?

Федор Иванович. Да. И у тебя очень густые брови, Анфиса.

Анфиса. А ты часто вынимаешь часы, но не смотришь.

Федор Иванович. И у тебя на пальце яд.

Анфиса (*пряча руку*). А ты часто поднимаешь руку ко лбу...

Федор Иванович. Ты всегда в чёрном платье. Кто ты, Анфиса?

Анфиса (*улыбаясь*). Кто вы, Федор Иванович?

Оба странно смеются и сразу обрывают смех.

Федор Иванович (*хмуро*). Странная игра. Но я хочу говорить серьёзно. Сегодня ты весь день молчишь, Анфиса. Ты, может быть, этого не замечаешь, но ты весь день молчишь, Анфиса.

Анфиса. Разве? Значит... я думаю.

Федор Иванович (*подозрительно*). Что-нибудь страшное?

Анфиса (*вздрагивает*). Почему страшное? Почему страшное?

Федор Иванович. Потому что я тебя не знаю. Сегодня я видел, как ты, задумавшись, проходила по комнате куда-то. У тебя такая неслышная поступь, и ты была такая странная, всему чужая, что показалась мне похожей на чёрную тень. Куда ты ходила?

Анфиса. К бабушке.

Федор Иванович. Это зачем?

Анфиса. Я ходила её кормить.

Федор Иванович. Я бы не стал её кормить. Я умо-

рил бы её голодом. Который час? Господи, ещё только одиннадцать часов. Но что же ты молчишь, Анфиса? Эти становятся невыносимым.

Анфиса. Федя, я сама не знаю.

Федор Иванович. Я уйду!

Анфиса (*торопливо*). Ну, хорошо, ну, слушай, да, это правда, что я молчу – но знаешь, с каких это пор? С той ночи, как я стояла перед запертою дверью и звала тебя. Как будто в ту ночь я сказала все слова, какие есть, и у меня уже не осталось больше ни одного слова. Если хочешь, я могу говорить, но... Не заставляй меня, Федя, я скажу не то.

Федор Иванович. Я уйду!

Анфиса. Ну, хорошо, ну, слушай! Вчера ведь я кричала, да? Этот крик я слышу, он стоит в моих ушах. Но это кричал кто-то другой, а я – молчала.

Федор Иванович (*вдумываясь, тревожно*). Ты что-нибудь решаешь? Там, у тебя в глубине, что-то решается? Быть может, уже решилось? Ну, говори же!

Анфиса. Не знаю. Да. Может быть. Я все время жду.

Федор Иванович. Чего?

Анфиса. Не знаю.

Федор Иванович. Нет, ты знаешь! Говори! Ты должна сказать. Слышишь!

Анфиса. Я не знаю.

Федор Иванович. Ложь. *(Хватает её за руку всматривается в глаза.)* Говори! Я не позволю этого, заставлю тебя говорить!

Анфиса. Нет, нет, нет, не спрашивай. Мне страшно, люблю тебя. *(Целует в голову несколько сопротивляющегося Федора Ивановича.)* Я люблю тебя, я люблю тебя, люблю тебя. Ой, обними меня. Ой, крепче, крепче обними меня!

Федор Иванович *(испуганно и ласково)*. Ну, что ты, что ты?

Анфиса *(пряча голову к нему на грудь)*. Ты смотрел на меня... как вчера... когда про змею... про змею... Ой, не надо, Федя. Обними меня крепче. Я боюсь. Не пускай меня, не пускай.

Звонок.

Анфиса *(вскрикивает)*. Ай! Что это!

Федор Иванович. Что ты, что ты! Это звонок, успокойся же. Вот не думал, что ты такая трусиха. Ты и на меня нагнала страху. Ведь это же нелепо. Сидим с тобой, как маленькие дети, и пугаем друг друга.

Анфиса. Не уходи.

Звонок повторяется.

Федор Иванович. Звонят. Ну, погоди одну минутку, а я пойду открою. Кто это может быть?

Анфиса (*обнимая крепче*). Не уходи.

Федор Иванович. Да не ребячься же, Анфиса. Вероятно, телеграмма. Я сейчас. Ну?

Оглядываясь на Анфису, уходит. Анфиса прячет голову в углу дивана, но когда слышит голос Ниночки – поднимается и смотрит на дверь широко открытыми глазами.

Ниночка (*за дверью*). А я думала, что вы, что ты уже спишь... хотела уйти. Кто ж у вас в доме? Только... свои?

Федор Иванович (*также за дверью*). Да, только свои... И не боишься ты ночью ходить одна? Смелая девчонка.

Входят. Ниночка, увидев Анфису, останавливается у порога.

Федор Иванович. Входи же, Ниночка, входи. (*Немного неловко.*) Это Ниночка, Анфиса.

Ниночка. Мне нужно поговорить с тобою, дядя Федя. Но только наедине.

Федор Иванович. Ты можешь говорить при ней. Ты

же ведь знаешь...

Ниночка. Нет, я могу говорить только наедине.

Анфиса (*немного чужим голосом*). Федор Иванович, позвольте мне остаться здесь.

Федор Иванович. Да? (*Мгновение нерешимости*)
Пустяки, Анфиса, это только на минуту. Пойди туда... И, кстати, приготовь мне ликёру. Одну только минуту.

Анфиса со странной покорностью уходит в открытую дверь гостиной. Оба оставшиеся прислушиваются к её удаляющимся шагам и радостно бросаются друг к другу.

Федор Иванович (*взволнованно.*) Как я рад, что ты пришла. Не знаю, что со мной сегодня!.. Нервы ли просто развинтились, или этот пустой дом... но только такая жуть...

Ниночка. И я так рада. Я... не могу жить без тебя.

Он обнимает Ниночку, целует, и некоторое время они стоят обнявшись, как влюблённые.

Федор Иванович. Голубчик ты мой! Сон ты мой золотой! Не побоялась одна? Как я рад тебе!

Ниночка (*целует его*). Милый, милый, милый!

Федор Иванович сажает Ниночку на диван и незаметно для себя становится перед нею на колени.

Федор Иванович. Ну, что, деточка, что принесла (Улыбаясь.) Опять записку? Как я рад тебе.

Ниночка. Да, вот.

Федор Иванович (*рвёт письмо*). Какая же она право... странная. И не побоялась ты – ночью одна? Ах, девочка моя милая...

Ниночка (*осторожно кладя руку на плечо*). А на случай, если ты разорвёшь письмо, не читая, она велела передать тебе, что она ни в чем не виновата, что она просит, чтобы ты её простил, и что, как только папаша её выпустит, она сейчас же приедет к тебе. В то, что ты уедешь... не один, она не верит. И все время плачет до того, что невыносимо смотреть. А папаша запер её с ребёнком на ключ, стоит перед дверью, топает ногами всю её проклинает. Он совсем потерялся. Добыл денег и купил Бог знает чего: сардинок, какой-то рыбы, фруктов и все это для младенца. А мне материи на платье купил, какой-то зеленой. О тебе и слышать не хочет. Попробовала я что-то сказать, так он и меня проклял.

Федор Иванович. Жалко старика. Я виноват перед ним. Но все равно.

Ниночка. Конечно, жалко. Но почему все равно?

Так говорят только те, кто не собирается больше жить.

Федор Иванович. Как я рад тебе! Не уходи, Ниночка. *(Целует ей руку.)* Озябла, бедненькая?

В тёмных дверях гостиной появляется на мгновение Анфиса. Смотрит мёртвым лицом на них и так же бесшумно исчезает.

Ниночка. Нет, я не ухожу. Я ещё должна сказать тебе... Только я не могу говорить, пока ты так стоишь. Это очень серьёзно.

Федор Иванович *(удивлённо)*. Действительно, как я стал? *(Встаёт.)* Если бы я сейчас был склонен к шуткам, бы сказал: это судьба.

Ниночка. А может быть, это и не шутка. Только, пожалуйста, дядя Федя, отойди от меня ещё дальше. Это очень серьёзно. *(Оглядывается.)* А Анфисы там нет?

Федор Иванович *(прислушивается)*. Нету. Она, вероятно, ушла к этой... старухе. Ты знаешь, во всем доме мы только трое: я, она и старуха. Станный дом! Ну, так что же, Ниночка?

Ниночка *(вставая)*. Я люблю тебя, дядя Федя.

Федор Иванович. Не надо, Ниночка! Я не хочу любви.

Ниночка. Нет, я люблю тебя, дядя Федя. И я уже

не девочка и знаю, что говорю. Ты можешь поступить, как хочешь, но я пришла к тебе, чтобы это сказать, – и вот сказала. И тебе следует просто ответить мне: – а я тебя, Ниночка, не люблю. И тогда я (*сдерживая слезы*) – уйду.

Федор Иванович. Но разве это правда, Ниночка? Но разве ты знаешь, что такое любовь? Ты просто, голубок мой, обезьянничаешь со взрослых, а тебе уж и кажется...

Ниночка. Ах, дядя Федя, дядя Федя, как ты ещё мало знаешь людей. Я ведь предчувствовала, что ты мне не поверишь, будешь смеяться, – ты привык меня видеть девочкой и просто не заметил, как я выросла. И я, быть может, и не пошла бы, если бы так не жалела... и не боялась за тебя. Дядя Федя, милый, милый, не ездь с нею! Я её боюсь!

Федор Иванович. Ниночка, ты не знаешь, что говоришь.

Ниночка. Это ты не знаешь, а я знаю. Не ездь с нею, не ездь с нею. Ну... возьми меня, если хочешь. Я чистая – клянусь, меня не поцеловал ни один мужчина – и я отдам тебе все, что только может быть в душе. Ах, ты ещё не знал любви, дядя, ты же не знал её никогда! (*Медленно становится на колени и складывает руки, как на молитву.*) Возьми меня, Федя.

Федор Иванович (*закрывает лицо руками и хо-*

дит по комнате). Молчи. Молчи.

Ниночка. Я молчу.

Федор Иванович (*так же*). И ты поедешь со мной?

Ниночка. Поеду.

Федор Иванович. Завтра?

Ниночка. Когда хочешь.

Анфиса (*в дверях*). Вы ещё не кончили?

Ниночка быстро вскакивает с колен и отходит.

Федор Иванович. Ах, это ты? Да. Кончили. Сейчас, одну только минуту!

Анфиса уходит. Федор Иванович быстро обнимает Ниночку, почти душит её.

Федор Иванович. Нет, нет. Ты не знаешь, что говоришь, Нина, но... но... Приходи завтра утром, слышишь? Все это вздор, но ты знаешь, девочка, – я сейчас только, после многих месяцев вздохнул полной грудью.

Ниночка. Господи, как я рада. Господи, как я рада. Ты ведь не знаешь, дядя Федя, – я уж сегодня начинаю укладывать вещи!

Федор Иванович (*толкая её*). Ну, иди, иди. (*Целует.*) Иди. Но только... приходи.

Уходит по направлению к прихожей. Появляется Анфиса, ставит на стол бутылку ликёру и рюмку. Движения её очень спокойны, точны, и как-то странно правильны и почти механически отчётливы. Поставив бутылку, Анфиса подходит к лампе и внимательно рассматривает перстень, приоткрывает его, взглядывается очень сосредоточенно и закрывает. Потом обычным кокетливым женским движением рассматривает свою руку.

Федор Иванович (входит, говорит несколько смущённо.) Какая смелая девчонка, – ходит ночью одна. От Саши опять письмо.

Анфиса. Я слышала все. Я была в той комнате и слышала все.

Федор Иванович (с напускным гневом). Ты подслушивала!

Анфиса. Нет, я не подслушивала. Это правда, что ты завтра едешь с Ниной?

Федор Иванович. Какой вздор, как тебе не стыдно, Анфиса. Девчонка Бог знает чего наслушалась в нашем доме и просто обезьянничает.

Анфиса. Нет, она тебя любит.

Федор Иванович. Ты думаешь?

Анфиса. Да. Но ты её не любишь. Ты никого не лю-

бишь.

Федор Иванович (*улыбаясь*). А тебя?

Анфиса. Меня – любишь. И я очень рада, что ты так относишься к Ниночкиным словам. Тебе нельзя с ней ехать. Ты хочешь любить, но не умеешь, и если ты поедешь с Ниной...

Федор Иванович (*нетерпеливо*). Ты опять повторяешь это! Ведь я же сказал тебе, что это вздор, вздор, вздор! Поцелуй меня, Анфиса. (*Целует её.*) Какая ты красивая. Ты любишь меня?

Анфиса. Люблю.

Федор Иванович (*крепко обнимая*). Какая ты красивая! Ты вся, как чёрный огонь, который не светит, и только жжёт... и как жжёт! Ты помнишь, Анфиса? (*Обнимает все крепче и заглядывает ей в глаза.*) Анфиса!

Анфиса (*целуя его и в то же время сопротивляясь*). Нет, нет, не надо.

Федор Иванович. Анфиса!

Анфиса. Нет, нет. Не надо! Пусти! Ты устал. Не надо. Я не хочу. (*Вырывается, тяжело дыша.*)

Федор Иванович (*угрюмо*). Не хочешь?

Анфиса. Ах, какой ты, Федя! Ну, не сердись, милый. Я ведь так люблю тебя! Но я устала. И мне немного нехорошо. А что же ликёр? Я ведь принесла. Вот он. На! (*Наливает.*) Выпей. Тебе нужно отдохнуть, Федя,

ты так устал.

Федор Иванович (*подумав, добродушно*). Ну, Господь с тобой. Да, я устал.

Анфиса. Тебе нужно уснуть.

Федор Иванович. Да, мне нужно уснуть. (*Пьёт и смеётся.*) Да, мне нужно уснуть.

Анфиса. Чему ты смеёшься?

Федор Иванович. Так. Мне действительно стало весело от её наивности. Подумай, она клянётся: меня ещё ни разу не поцеловал ни один мужчина.

Анфиса. Ни один мужчина.

Федор Иванович. Да! Ни один мужчина! Налей мне ещё. Я сегодня хочу пить только из твоих рук.

Анфиса. Отдохни, мой милый, ты так устал.

Федор Иванович (*чему-то улыбаясь*). Да, я отдохну, я так устал.

Анфиса. Приляг ко мне на колени. Я сяду, а ты положишь мне голову на колени, и я тебе спою песенку, как вчера. Приляг!

Федор Иванович. Вчера было хорошо. Но мне хочется ходить, у меня столько мыслей, у меня столько планов, я вдруг увидел мир – весь мир – зелёный, красный, голубой. Давай мечтать, Анфиса!

Анфиса. Давай мечтать! Но ты ляг.

Федор Иванович. Который час? О, уже двенадцать. (*Стучит кулаком по руке.*) Время идёт, время

идёт! Налей мне ещё. Ну, скорее! Я еду, я еду, я еду. И все-таки – устал. Устал.

Анфиса. Приляг. Вот так! Тебе удобно?

Федор Иванович (*ложится и кладёт голову к Анфисе на колени*). Да, хорошо. У тебя немножко жёсткие колени, но это хорошо. Я люблю, что ты вся такая... жёсткая, сухая и горячая, как крапива. (*Смеётся.*) Как крапива! Давай мечтать, Анфиса, о светлом. (*С глубокой правдивостью.*) Ведь никто не знает – и даже ты не знаешь, как я устал, как я измучился, как временами ненавижу я жизнь... и себя.

Анфиса. Не жалей жизни. Она так печальна, и так темна, и так страшна она. Кто судит нас?

Федор Иванович. Откуда моя тоска? Я как будто счастлив, я сам делаю свою жизнь – но откуда эта жестокая, неотступная тоска? Давай мечтать, Анфиса, я думать не хочу. Что-то красивое встаёт перед моими глазами, и оно волнуется тихо, как голубой туман перед восходом солнца. Какие-то песни я слышу, Анфиса, какие-то деревья на глазах моих покрываются цветами. Ты любишь яблоню, когда она цветёт?

Анфиса. Я люблю красные розы.

Федор Иванович. Нет, нет... яблоню, когда она цветёт! Какие-то птицы летят надо мною, и сверкают на солнце их огромные белые крылья. Я грежу, Анфиса. Скажи мне эти слова, которые поют мне о другом.

Анфиса (*тихо*). Друг, друг, желанный ты мой.

Федор Иванович (*повторяя*). Друг, друг, желанный

ТЫ МОЙ...

Анфиса. Кто беспокойному сердцу ответит?

Федор Иванович (*повторяя*). Кто беспокойному сердцу ответит?..

Анфиса. Море... Море любви ему в вечности светит – светит желанный покой.

Федор Иванович. Светит желанный покой. Отчего ты вздрогнула, Анфиса? Светит желанный покой. Постой, я, кажется, вижу его. Всю жизнь я стараюсь вспомнить это лицо и не могу, и мучаюсь, а вот сейчас...

Анфиса. Лицо женщины?

Федор Иванович. Нет, нет. Я не знаю, чьё это лицо. А вот сейчас на одно мгновение оно как будто склонилось надо мною, и мне стало так хорошо. (*Беспокойно.*) Но ты его спугнула, Анфиса. Я опять не могу вспомнить. Какие у него глаза? – я их видел.

Анфиса. Голубые, ясные, и взор их необъятен.

Федор Иванович. Нет, скорее чёрные.

Анфиса. Нет, не чёрные. (*Вздрагивает.*) Нет, не чёрные. Он звал тебя?

Федор Иванович. О ком ты говоришь? Меня никто не звал. (*Привстает на локте и тревожно вслушивается.*) Там кто-нибудь есть? Ты опять молчишь, Ан-

фиса?

Анфиса (*глядя его волосы*). Нет, нет, родной. Я все время говорю, разве ты не слышишь? Спи спокойно и доверчиво. Я не обману тебя. Это я тебе рассказала о белой яблоне, которая цветёт. Усни, дитя моё, и я спою тебе ту глупую песенку, что пела мальчику моему. (*Вдруг плачет.*)

Федор Иванович. О чем? Не надо плакать.

Анфиса. Я так. Вспомнила! Не надо плакать. Ах, не надо плакать! Милый ты мой, родной ты мой, моя единая и вечная любовь. (*Тихо поёт.*) Баю-баюшки-баю. Баю (*вздрагивает*) милую мою. Ты спишь?

Федор Иванович. Постой, не мешай.

Анфиса. Нет, больше не буду. Баю-баюшки-баю...
Полежи, я потушу лампу.

Федор Иванович. Нет, не надо, так хорошо.

Анфиса. Я зажгу свечу...

Анфиса осторожно встаёт, Федор Иванович остаётся лежать на спине, глаза его закрыты. Во время дальнейшего разговора Анфиса гасит лампу и зажигает свечу, потом раскрывает перстень и высыпает яд в рюмку, руки её слегка дрожат.

Федор Иванович (*сонно*). Ну, что же ты? Я хочу спать.

Анфиса. Сейчас, мой милый! Я налью тебе ликёру.

Федор Иванович. Я больше не хочу.

Анфиса. Может быть, выпьешь?

Федор Иванович. Ну, иди же.

Анфиса. Сейчас.

Осторожно ставит рюмку на столик около дивана и садится на прежнее место.

Анфиса. Ты опять видишь его?

Федор Иванович. Нет, нет, не мешай, молчи. Или лучше спой, Анфиса.

Анфиса. Сейчас. Выпей только.

Федор Иванович. Я не хочу.

Анфиса. Ну, одну, только одну. Больше не надо.

Федор Иванович. Да не хочу же я!

Анфиса. Выпей!

Поднимает ему руку и почти насильно вставляет в неё рюмку.

Федор Иванович. Какая ты нелепая. (*Приподнимается на локте, говорит лениво.*) Зачем ты мне помешала, Анфиса? Мне было так хорошо. Который час? Значит, едем?

Анфиса. Ну, пей же, пей.

Федор Иванович. Сейчас. Я и забыл сказать Ивану Петровичу, чтобы он приходил пораньше. Он, кажется, хотел в одиннадцать.

Анфиса. Боже мой, да пей же!

Федор Иванович. Что ты? Сейчас, я же тебе сказал. *(Подозрительно взглядывается в Анфису.)* Пой, глаза... Покажи глаза! А-а-а-а!

С ужасом смотрит в остановившиеся глаза и в то же время, продолжая начатое движение, подносит рюмку ко рту и пьёт. Вскрикивает, как поднятый чудовищной силой, задыхаясь и хрипя, делает несколько странных скачков по комнате, в один из которых чуть не сшибает с ног Анфису, и падает мёртвым. Анфиса смотрит, защищаясь вытянутыми вперёд руками, и, когда Федор Иванович падает, — отбегает в дальний угол. Дико с надрывом кричит, как только можно кричать в пустом доме.

В тёмных дверях показывается старуха; цепляясь за притолку, добирается до кресла и садится в него.

Молчание.

Бабушка. Умер, да?

Анфиса. Кажется, умер. Я не знаю. Я боюсь подойти.

Бабушка. Так, так. *(Подходит и смотрит.)* Прикрыла бы ты его. Нехорошо так.

Анфиса. Я не знаю, чем. Если бы где-нибудь найти простыню. Но я боюсь подойти.

Бабушка *(садится на прежнее место)*. А ты в чемодане посмотри, в чемодане посмотри. Его чемодан?

Анфиса. Его. В чемодане, должно быть, есть. Вот.

Быстро накидывает на мертвеца простыню, но разошедшиеся ноги и одна жёлтая рука остаются открытыми.

Бабушка. Мышьяком?

Анфиса. Нет, цианистый калий.

Бабушка. Так, так. Не знаю, не слыхала. Который час?

Анфиса. Не знаю. Часы у него в кармане. *(Ляская губами.)* Бабушка, мне страшно!

Бабушка. Так, так. Ну и страшно, ну и страшно.

Анфиса *(ляская губами)*. Бабушка, мне страшно. Что же делать? Что же делать?

Бабушка. Так, так. Нечего делать, все сделано. Молчи.

Обе женщины сидят и неотступно смотрят на

*белое пятно простыни. В сумраке кажется, что оно
шевелится.*

Светает.

Занавес